

Пауло Коэльо

МАНУСКРИПТ,
найдённый в Акко

Пауло Коэльо

МАНУСКРИПТ,
найдённый в Акко

Librusec

Annotation

- [illegible]

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

Пауло Коэльо

Манускрипт, найденный в Акко

Слово вступительное и приветственное

В декабре 1945 года двое братьев в поисках места для привала обнаружили в долине Хамра Дом (Верхний Египет) пещеру, а в ней — глиняный кувшин, набитый папирусными свитками. Вопреки требованиям закона, братья не уведомили о находке местные власти и даже решили по частям распродавать ее на рынке древностей. Мать же этих юношей, опасаясь воздействия исходящей от свитков «негативной энергии», несколько папирусов сожгла.

Через год по причинам, оставшимся неизвестными, братья рассорились. Мать приписала это действию все той же «негативной энергии» и поспешила передать манускрипты священнику, и тот продал один в каирский Коптский музей. Так папирусы получили название, под которым известны и ныне — «Манускрипты из Наг Хаммади» (по названию города, расположенного ближе всего к пещере, где они были обнаружены). Один из сотрудников музея, историк-религиовед Жан Доресс, оценивший значение находки, впервые упомянул о ней в своей статье в 1948 году.

Прочие манускрипты время от времени всплывали на черном рынке. Однако вскоре египетское правительство осознало важность открытия и попыталось воспрепятствовать вывозу свитков из страны. Сразу после революции 1952 года большая их часть была передана в каирский Коптский музей и объявлена национальным достоянием. Из блокады удалось выбраться лишь одному папирусу, который «всплыл» в антикварном салоне в Бельгии. После нескольких безуспешных попыток продать его в Нью-Йорке и Париже, в 1953 году манускрипт приобрел Институт Карла Густава Юнга. А по смерти знаменитого психоаналитика папирус, отныне называемый «Кодекс Юнга», вернулся в Каир, где собрано уже более тысячи страниц — и фрагментов страниц — «Манускриптов из Наг Хаммади».

Найденные в пещере пергаменты оказались греческими переводами, созданными в промежутке от конца I века до 180 года, и представляют собой корпус текстов, известных также как «апокрифические евангелия» — то есть те, что не вошли в состав Священного Писания, каким мы знаем его ныне.

По какой причине?

В 170 году был собран совет епископов, призванный определить, какие именно тексты должны войти в Новый Завет. Критерий отбора был прост — включить надлежало все то, что могло противостоять еретическим вероучениям и расколу. Были отобраны четыре известных нам евангелия, послания и все, что так или иначе, что называется, соответствовало представлениям епископов об основных догматах христианства. Сообщение о совете епископов и перечень допущенных книг содержатся в «Мураториевом каноне». Все прочее, подобно манускриптам из Наг Хаммади, исключили, так как одни тексты были написаны от лица женщин (как «Евангелие от Марии Магдалины»), другие же содержали указания на то, что Иисус знал о своей божественной миссии, а это делало Страсти Христовы менее горестными и мучительными.

В 1974 году британский археолог сэр Уолтер Уилкинсон обнаружил возле Наг Хаммади еще один манускрипт, на этот раз — на трех языках: арабском, древнееврейском и латинском. Зная правила, касающиеся находок в этом краю, англичанин отправил рукопись в отдел древностей Каирского музея. И вскоре получил ответ: по всему миру циркулирует не менее 155 копий этого документа (три из них принадлежат музею), причем все они практически друг от друга неотличимы. Радиоуглеродный анализ позволил установить, что текст был создан относительно недавно — вероятнее всего, в 1307 году.

Не составило труда и проследить происхождение манускрипта из города Акко, расположенного за пределами Египта. Таким образом, никаких препятствий к его вывозу из страны не возникло, и сэр Уилкинсон, получив официальное разрешение (Исх. № 1901/317 1FP-75) от 23 ноября 1974 года, отправил папирус в Англию.

Я познакомился с сыном сэра Уилкинсона в Рождество 1982 года в городе Портмадог (Уэльс, Соединенное Королевство). Отчетливо помню, что он упоминал о манускрипте, найденном его отцом, но тогда никто из нас не придавал этому особого значения. На протяжении всех этих лет мы поддерживали дружеские отношения, и мне посчастливилось еще по крайней мере дважды увидеться с Уилкинсоном-младшим, когда я приезжал в Великобританию в рамках рекламной кампании по продвижению моих книг.

30 ноября 2011 года я получил от него копию текста, о котором шла речь при нашей первой встрече. Этот текст и приводится ниже.

Мне бы очень хотелось начать эти строки следующим образом: «Теперь, достигая предела дней своих, оставляю тем, кто будет жить

после меня, все, что познал, покуда бродил по лицу земли. Да пригодится им это».

Но, увы, это будет неправдой. Мне всего 21 год, у меня есть родители, любившие и учившие меня, есть жена, любящая и любимая, — но жизнь озаботится тем, чтобы завтра разлучить нас, и тогда каждый должен будет отправиться на поиски своего пути, своей судьбы, и свою смерть каждый встретит в одиночку.

Для нашей семьи сегодня 14 июля 1099 года. Для семьи Иакова — это мой друг детства, с которым мы играли на улицах этого города, называющегося Иерусалим — 4859 год: Иаков любит твердить, что его иудейская вера древней, чем моя. Для почтенного Ибн-аль-Атхира жизнь свою положившего на то, чтобы записать историю, которая ныне близится к концу, истекает год 492-й. Мы по-разному ведем летоисчисление, по-разному славим Всевышнего, но во всем прочем уживаемся прекрасно.

Неделю назад наши военачальники сошлись на совет: подступившие под стены города франки бесконечно многочисленней и лучше вооружены. И каждому жителю предоставлен был выбор: покинуть город или драться с врагом не на жизнь, а на смерть — да, на смерть, ибо с уверенностью можно предречь, что нас ждет поражение.

Большинство горожан предпочли остаться.

Ныне мусульмане сошлись у мечети Аль-Акса, иудейские воины предпочли избрать местом сбора Михраб Дауд, христианам же, распыленным по разным кварталам, поручили оборонять город с юга.

Со стен уже видны осадные башни, построенные из разобранных на части неприятельских кораблей. Судя по передвижениям войск, завтра утром начнется штурм — и прольется кровь во имя римского папы, ради Гроба Господнего и «во исполнение божьей воли».

Сегодня днем, в том самом дворе, где тысячу лет назад римский правитель Понтий Пилат, повинувшись желанию большинства, предал Иисуса на крестные муки, толпа мужчин и женщин всех возрастов пришла на встречу с неким греком, которого все здесь знают под именем Копт.

Это странный человек. Еще отроком он покинул родные Афины, пустившись на поиски богатства и приключений. И в конце концов, полумертвый от голода, постучался в ворота Иерусалима, был гостеприимно принят и по прошествии известного времени отказался от намерения продолжать странствия, решив обосноваться у нас.

Он нашел себе работу у обувщика и — так же как Ибн-аль-Атхир —

принялся заносить на бумагу для будущих поколений все, что видел и слышал. Он не совершал обрядов, не соблюдал таинств ни одной из религий, и никто не пытался обратить его в свою веру. Для Копта все мы пребываем не в 1099 году, не в 4859-м и уж подавно не в 492-м. И верит Копт лишь в настоящую минуту и в того, кого называет Мойрой — в никому не ведомое божество, в Божественную Энергию, ответственную за один-единственный закон, преступить который нельзя, иначе мир погибнет.

Рядом с Коптом стояли главы всех трех церквей, существующих в Иерусалиме. И покуда длился разговор, никто из отцов города так и не появился: все они были заняты последними приготовлениями к обороне — к сопротивлению, которое все мы считали бесполезным.

«Много столетий назад, — начал грек, — на этой площади был оглашен смертный приговор одному человеку. Следуя к месту казни вон по той улице справа отсюда, он миновал нескольких женщин. И увидев, что они плачут, сказал им так: «Не плачьте обо мне, но плачьте по Иерусалиму». Он предрек то, что происходит сейчас. Уже завтра согласие обернется раздором, а радость оденется в траур. Мир уступит место войне, которая протянется в будущее столь отдаленное, что нам не придется даже мечтать о ее окончании».

Все молчали, потому что никто в точности не знал, что же происходит. И не придется ли нам выслушать еще одну проповедь о захватчиках, именующих себя крестоносцами.

И Копт наслаждался нашим недоумением. И после долгого молчания решил все же объяснить:

— Да, они в силах разрушить город, но не могут уничтожить все то, чему он нас научил. И потому нужно сделать так, чтобы это знание не разделило участь крепостных стен, домов и улиц. Но что есть знание?

Поскольку никто не ответил, он продолжал:

— Нет, это не полная правда о жизни и смерти, но нечто такое, что позволяет нам жить и принимать вызовы, перед которыми день за днем ставит нас повседневность. И это не книжная мудрость, годная для того лишь, чтобы подпитывать никчемные споры о минувшем ли, о грядущем, но знание, живущее в душах мужчин и женщин, исполненных доброй воли.

И дальше Копт сказал так:

— Я — книжник и, хотя могу похвастать себя всезнающим, ибо все эти годы собирал и изучал древности, записывал события, спорил о политике, я не знаю точно, что сказать вам сейчас. Но в такую минуту я взываю к Божественной Энергии с мольбой очистить мою душу. Спрашивайте — я буду отвечать вам. Так поступали и древние греки: ученики спрашивали

учителя о вещах, которые прежде не приходили ему в голову, а он, размышляя вслух, пытался подыскать ответ.

— И что толку нам в твоих ответах? — спросил кто-то из толпы.

— Одни запишут суть сказанного мною. Другие запомнят только слова. Важно то, что нынче вечером вы разойдетесь на четыре стороны света и понесете дальше услышанное здесь. И тогда душа Иерусалима останется цела и сохранна. И наступит день, когда мы восстановим его — не просто город, один из многих других, но место, куда вновь стечется мудрость и где вновь восторжествует мир.

— Все мы знаем, что ждет нас завтра, — возразили ему. — Не лучше ли обсудить сообща, как добиться перемирия, или идти готовиться к бою?

Копт оглядел стоявших рядом первосвященников, а затем повернулся к толпе.

— Никому не ведомо, что готовит нам завтра, ибо каждому дню хватает его собственного блага или зла. А потому спрашивайте о том, что хотите знать, спрашивайте, позабыв о врагах по ту сторону наших стен и о страхе, царящем по эту. Не стоит заботиться о том, чтобы передать наследующим землю записи о нынешних событиях, — это дело истории. Поговорим же о повседневном и обыденном и о трудностях, с которыми нам предстоит столкнуться. Только это важно для будущего, ибо я не думаю, что в ближайшую тысячу лет что-нибудь сильно изменится.

Тут подал голос мой сосед Иаков:

— Расскажи нам о поражении.

— Чувствует ли древесный листок, слетая с ветки зимой, что стужа одолела его?

Дерево говорит ему: «Таков круговорот жизни. Ты думаешь, что умрешь, а на самом деле пребудешь во мне. Благодаря тебе я живу, потому что могу дышать. Благодаря тебе я чувствую, что меня любят, потому что могу укрыть под сенью листвы утомленного странника. Твой сок течет в моих жилах, и мы с тобой — единое существо».

Чувствует ли человек, много лет готовившийся к восхождению на самую высокую в мире вершину, что побежден, когда видит, подойдя к подножью, что природа укрыла гору грозowymi тучами? Он говорит горе: «Ты не принимаешь меня сейчас, но погода переменится, придет день — и я смогу подняться на твою вершину. А пока он не настал — жди меня».

Чувствует ли юноша, отвергнутый первой возлюбленной, что любви нет на свете? Он говорит себе: «Я непременно отыщу ту, которая способна будет понять все, что я чувствую. И буду счастлив до конца моих дней».

В круговороте природы нет ни побед, ни поражений — есть лишь

движение.

Зима сражается, чтобы править самовластно, но в конце концов должна признать победу весны, которая приносит с собой цветение и веселье.

Лето, убежденное в благодатной силе тепла, готово продлить погожие дни до бесконечности. Но смиренно принимает приход осени, позволяющей земле отдохнуть.

Газель, щиплющую траву, пожирает лев. И дело тут не в том, кто сильнее — так Бог показывает нам вечную череду смерти и воскресения.

И в этом круговороте нет ни победителей, ни побежденных, а есть лишь ступени, по которым надо пройти. И когда душа человеческая осознает это, она станет свободна. И примет, не скорбя, горести с невзгодами, и не даст обольстить себя минутам торжества.

Ибо пройдут и те, и другие. Одна сменится другой. А цикл будет продолжаться, пока, освободясь от телесной оболочки, мы не встретимся с Божественной Энергией.

И потому, когда борец выходит на арену — по собственному ли выбору или же по прихоти непостижимой судьбы — пусть дух его возвеселится от предстоящего боя. Пусть сохраняет он достоинство и честь, и тогда, если даже проиграет схватку, уйдет непобежденным — ибо непобежденной останется его душа.

И пусть никого не винит в случившемся с ним. Как и тот, кто полюбил впервые и был отвергнут, понимает, что отказ не умалил его способности любить. А что годно для любви, то годно и для боя.

Нас печалит, когда приходится проиграть сражение или потерять то, чем мечтали обладать. Но когда эти минуты проходят, мы открываем в себе неведомую, до поры в каждом из нас скрытую силу, вызывающую удивление и вселяющую уважение к себе самому.

Мы оглядываемся тогда и говорим себе: «Я выжил». И радуемся этим словам.

И лишь тот, кто не признает этой силы, говорит: «Я проиграл». И печалится.

А все прочие, даже если они страдают от потери и унижены теми рассказами, что распускают на их счет враги, позволяют себе пролить несколько слезинок, но никогда себя не жалеют. И знают одно: схватка была прервана, и в данную минуту преимущество — не за ними.

Они слушают, как бьется их сердце. Они отмечают, что напряжены. Чувствуют, что им страшно. Но размышляя о своей жизни, видят, что как ни силен страх, вера воспламеняет им душу и побуждает идти вперед.

Они всегда стараются понять, где допустили промах, а где приняли верное решение. И, повергнутые, пользуются моментом, чтобы отдохнуть, залечить раны, определить, как действовать дальше и к новой схватке оказаться во всеоружии.

Наконец встанет заря, и с ней придет черед новой схватки. Страх не отступает, но они должны действовать — иначе навсегда останутся лежать во прахе. И они встают лицом к лицу с противником, помня, через какие страдания прошли, и не желая, чтобы это повторилось.

Пережитое поражение для них — повод считать, что теперь-то они должны победить, ибо они не готовы снова испытать ту же боль.

И победа будет одержана — не в этот раз, так в следующий. Если не сейчас — то спустя какое-то время. Упасть — не стыдно, стыдно — не подняться.

Поражение терпит лишь тот, кто сдается. Все остальные победоносны.

И непременно наступит день, когда бывшие трудности станут всего лишь горделивыми рассказами для тех, кто захочет слушать. А захотят все, и выслушают в уважительном молчании, и усвоят три важных вещи.

Надо обладать терпением, чтобы дожидаться той верной минуты, когда пора действовать.

Надо обладать мудростью, чтобы не пропустить благоприятной возможности.

И — гордиться своими шрамами.

Шрамы — суть знаки отличия, железом и огнем врезанные в тело, и враги, увидев их, в страхе понимают: перед ними испытанный боец. И часто избегают схватки и начинают переговоры.

Шрамы говорят громче, нежели клинок, который их оставляет.

— *Теперь опиши нам тех, кто потерпел поражение, — попросил какой-то купец, когда Конт замолчал.*

И тот ответил так:

— Не следует путать потерпевших поражение с побежденными.

Поражение в битве или даже в войне ничего не значит. Признать себя побежденным — значит прекратить борьбу.

Проигравший бой или кампанию не достиг того, что было столь желанно. Побежденный теряет способность мечтать. Девиз его отныне: «Ничего не желай — не будешь страдать».

Проигрыш забывается, когда мы вступаем в новый бой. Поражение конца не имеет — это жизненный выбор.

Проигрыш — это для тех, кто, одолевая страх живет с надеждой и воодушевлением.

Проигрыш — удел отважных. Только им дана честь проиграть и радость выиграть.

Я не стану говорить здесь, что проигрыш — неотъемлемая часть жизни: все вы и так это знаете. Только проигравшие могут познать Любовь. Ибо именно на поле любви ведем мы свои первые бои — и, как правило, проигрываем их.

Я скажу, что есть на свете люди, не знающие, что такое проигрыш.

Это — те, кто никогда ни за что не борется.

На них нет ни единого шрама, они умудрились избежать унижений и чувства беспомощности, а также мгновений, когда даже воин сомневается в существовании Бога.

Они с гордостью произносят: «Я никогда не проигрывал». Но они не смогут сказать: «Я выиграл битву».

Правда, им нет до этого дела. Они живут в мире, в котором, как им кажется, они неуязвимы, они закрывают глаза на несправедливости и страдания и чувствуют себя уверенно, потому что избавлены от необходимости принимать ежедневные вызовы, неизбежные для тех, кто рискует выйти за собственные границы.

Они никогда не слышали «Прощай». Но для них никогда не прозвучат и слова: «Я вернулась. Обними меня и познай вкус утраченного и обретенного вновь».

Не ведающие проигрыша на первый взгляд кажутся счастливыми людьми, стоящими выше остальных, обладателями истины, ради которой, впрочем, пальцем о палец не ударят. Они всегда на стороне сильного. Они подобны гиенам, подъедающим за львом.

Они учат своих детей: «Не ввязывайтесь в распри, иначе проиграете. Таите про себя свои сомнения — и у вас не будет неприятностей. Если кто-то задел вас — не показывайте виду, что обижены, и не унижайтесь до ответного удара. Есть в жизни кое-что поважней».

В ночной тишине ведут они свои воображаемые битвы: перебирают в памяти мечты, которые не решились осуществить, несправедливости, которых якобы не заметили, малодушие, которое умудрились скрыть от всех — да только не от самих себя, — любовь, которая с горящими очами пересекла некогда их путь, любовь, что была дарована им Богом и которую они не осмелились принять.

И они обещают себе: «Завтра все будет иначе». Но приходит завтра, а с ним и вопрос, вгоняющий их в ступор: «А что если все пойдет не так?» И они ничего не предпринимают. Горе тем, кто никогда не был побежден! В этой жизни не быть им и победителями!

— Расскажи нам про одиночество, — попросила девушка, которая собиралась замуж за сына одного из самых богатых горожан, а ныне вынуждена была бежать из города.

И Копт ответил:

— Не будь одиночества, Любовь недолго оставалась бы с тобой.

Потому что и Любви нужна бывает передышка, чтобы постранствовать в небесах, выражая себя в иных проявлениях.

Не будь одиночества, не выжило бы ни одно растение и животное; земля не может родить непрерывно; ребенок не мог бы познавать жизнь вокруг себя, художник — творить, и никакой труд не стал бы расти и развиваться.

Одиночество — это не отсутствие Любви, но добавление к ней.

Одиночество — это не отсутствие Общества а тот миг, когда душа обретает свободу говорить с тобой и помогает принять решение, как жить дальше.

И потому — благо тем, кто не боится одиночества. Пусть не страшатся они остаться наедине с собой, пусть не отчаются они, отыскивая, чем развлечь себя или занять свои помыслы.

Ибо тот, кто никогда не остается один, себя не познает.

А того, кто не знает себя, вскоре начинает страшить пустота.

Но пустоты не существует. В нашей душе таится огромный мир, ожидая, когда мы его обнаружим. Вот он, во всей своей нетронутой силе — но он так непривычен и могуществен, что мы боимся признать его существование.

А дело в том, что стоит лишь понять, кто мы такие на самом деле, как придется признать: мы можем зайти куда дальше, чем привыкли думать. И это нас пугает. Лучше не рисковать, тем паче что всегда ведь можно сказать: «Я не сделал что следовало, потому что мне помешали».

Так удобней. Так надежней. Так спокойней.

Но считать так — значит отречься от собственной жизни.

Горе тем, кто избрал для себя удел всю жизнь повторять: «Мне не представилось возможности».

Ибо с каждым прожитым днем все глубже будут погружаться они в колодец самоограничений, и придет время, когда у них не останется сил выкарабкаться из него и вновь увидеть ясный свет, сияющий над головой.

И благо тем, кто говорит: «Мне не хватило отваги».

Ибо они-то сознают, что вина лежит не на других. И рано или поздно обретут веру, без которой не познать одиночество и его тайны.

А для тех, кто не испугался тайн, которыми ведает одиночество, все на

свете обретет иной смысл и вкус.

В одиночестве они обнаружат любовь — ведь бывает так, что она уже пришла, а ее не замечаешь. В одиночестве можно понять и простить и ту, которая ушла.

В одиночестве они научатся решать, стоит ли просить, чтобы она вернулась, или им обоим лучше идти новыми путями.

В одиночестве они поймут, что слово «нет» не всегда произносится по недостатку великодушия, и что говорить «да» — не всегда добродетельно.

Те, кто привык к одиночеству, не устроятся шепота беса: «Ты зря теряешь время».

Или еще более страшных слов того, кто начальствует над всеми бесами: «Ты никому не нужен».

Божественная Энергия слышит нас, когда мы говорим с другими, но и когда мы безмолвно приемлем одиночество — приемлем как благодать.

В такие минуты Ее свет озаряет все вокруг, позволяя нам увидеть, до какой степени мы необходимы и как преобразует всю Ее работу наше присутствие здесь, на земле.

И достигая такой гармонии, мы получаем больше, чем просили.

Тем же, кого гнетет одиночество, следует помнить: самые важные мгновения жизни человек встречает в одиночку.

Подобно новорожденному младенцу, выходящему из лона матери: сколько бы людей ни стояло вокруг, окончательное решение жить принимает он и только он.

Подобно художнику, завершающему свое произведение: чтобы оно было по-настоящему прекрасно, он в безмолвии и спокойствии должен внимать лишь языку ангелов.

Подобно каждому из нас, предстоящему однажды перед смертью, перед Незваной Гостьей, — в самый важный и самый страшный миг нашей жизни мы остаемся одни.

И если Любовь есть условие бытия Божьего, то одиночество это условие человеческого существования. То и другое мирно уживаются в душе того, кто постиг чудо жизни.

И юноша, которому назначено было покинуть город, разорвал на себе одежды и сказал так:

— Отчизна считает, что я не гожусь для битвы. Я бесполезен.

Копт ответил:

— Иные говорят: «Я не способен внушить людям любовь к себе». Но ведь в любви безответной всегда таится надежда на то, что когда-нибудь она будет принята.

А иные пишут в своих дневниках: «Мой гений непризнан, мой талант не оценен, мои мечты не встречают уважения». Но и для таких остается надежда, что после длительной и тяжелой борьбы все переменится.

А еще иные обивают пороги, стучатся во все двери, объясняя: «Я остался без работы». И ведь знают, что если вооружатся терпением, двери перед ними откроются.

Но есть и те, кто каждое утро просыпается со стесненным сердцем. И они не ищут любви признания, работы.

Они твердят себе: «Я — никчем. И живу, потому что должен выживать, но никому, никому в целом свете нет до меня никакого дела».

В окошко светит солнце, они окружены семьей, и им приходится натягивать личину радости, потому что в глазах других они получили то, чего хотели. Но сами убеждены, что все могут обойтись без них. Либо потому, что еще слишком молоды и видят, что у старших — свои заботы, либо потому, что уже состарились и полагают, что молодые пропустят их слова мимо ушей.

Поэт выводит несколько строк и тотчас рвет написанное, восклицая: «Это никому не нужно!»

Работник день за днем делает одно и то же. Он уверен, что если его уволят, никто даже не заметит его исчезновения.

Девушка шьет себе платье, вкладывая огромный труд в самомалейшую мелочь, а когда приходит на праздник, будто читает в глазах других людей: ты не лучше и не хуже любой другой девушки на свете, а твое платье — одно из миллионов платьев, и во всем мире в эту минуту происходят подобные празднества, — и в роскошных дворцах, и в бедных деревушках, где все друг друга знают и не стесняются вслух оценивать наряды всех гостей.

Все и всех, — а вот мой наряд остался незамеченным, думает девушка. Мое платье не красиво и не уродливо, просто еще одно платье, и все.

И напрасно она старалась.

Молодые сознают, что мир полон проблем, и рвутся решать их, но никого не интересует их мнение. «Вы еще не знаете, как оно на самом деле, — слышат они. — Слушайте старших и тогда поймете, как поступать».

А старшие обрели опыт и зрелость, прошли суровую школу житейских невзгод, но когда приходит время учить, обнаруживается, что их опыт никому не нужен. «Мир стал иным, — слышат они. — Надо идти в ногу со временем и прислушиваться к мнению молодых».

Без снисхождения к преклонным летам, без зова и спроса приходит и

начинает разъедать душу чувство своей бесполезности. «Ты никому не интересен, — твердит оно, — ты — никто, мир не нуждается в твоём пребывании здесь».

В отчаянной попытке придать жизни смысл, многие обращаются к вере, потому что борьба во имя её все оправдывает и способна преобразовать мир. «Мы трудимся во имя Господа», — говорят они себе.

И превращаются в святош. А потом — в миссионеров. И наконец — в фанатиков.

И не понимают, что религия существует не для того, чтобы подавлять и обращать, а чтобы сообща молиться и дивиться чуду. А величайшее проявление сотворенного Богом чуда — это жизнь.

Нынче ночью я восплачу о тебе, Иерусалим, ибо такое понимание Божественного Единства вот-вот покинет тебя на целую тысячу лет.

Спросите цветок полевой: «Скажи, ты чувствуешь себя ненужным? Ведь ты не делаешь ничего, лишь из года в год распускаешь одни и те же бутоны».

И он ответит: «Я — красив, а красота сама по себе дает право на существование».

Спросите реку: «Скажи, ты ощущаешь свою никчемность? Ведь ты лишь течешь, и всегда в одном направлении».

И она ответит: «Я и не стараюсь быть полезной, я просто река».

В глазах Господа нет на этом свете ничего бесполезного. Ни листок, сорвавшийся с ветки, ни волосок, упавший с головы, ни комар, что досаждал человеку и был им прихлопнут. У всего на свете есть право на жизнь.

И у тебя, задавшего мне этот вопрос, — тоже. «Я бесполезен» — вот ответ, который ты дал себе самому.

И скоро эти слова отравят тебя и сведут в могилу ещё при жизни — хоть ты будешь ходить, есть, спать и делать все, чтобы развлечься.

Не старайся быть полезным. Попытайся быть самим собой — этого достаточно, и одно отличается от другого как небо от земли.

Не обгоняй движения собственной души и не отставим от них. Ибо некому, кроме неё, на каждом шагу объяснять тебе, какую пользу ты можешь принести. Порой — участием в крупной битве, меняющей ХОД истории. А порой — лишь приветливой улыбкой, посланной случайному прохожему.

Бывает так, что ты, сам того не зная, спас жизнь человеку, который тоже решил, что бесполезен и никчемен, но в миг, когда он был уже готов оборвать цепь своего бытия, твоя улыбка вернула ему надежду и веру в

себя.

Даже если взглянешь на свою жизнь очень пристально и припомнишь каждую из тех минут, когда страдал, изнемогал или улыбался под солнцем, все равно не сумеешь со всей определенностью сказать, когда ты был полезен другим.

Жизнь никогда не бывает бесполезна. У каждой души, спустившейся на Землю, есть основание здесь пребывать.

Люди, которые по-настоящему творят добро, не пытаются быть полезными, а просто хотят, чтобы их жизнь была полна и насыщена. Они редко дают советы — и при этом сами служат живым примером для других.

И стремиться надо именно к этому: проживать свою жизнь так, как всегда хотел. Не порицать других. Сосредоточиться на том, о чем мечтаешь. Тебе, быть может; это покажется маловажным, но всевидящий Господь знает, что пример, который ты подаешь, помогает Ему улучшить мир. И каждый день Он будет ниспосылать тебе на это Свое благословение.

А когда придет Незванная Гостья, ты услышишь от нее:

— Вот и пора тебе спросить: «Отче, отче, почто Ты оставил меня?»

Но теперь, в последнюю секунду твоего земного бытия скажу тебе, что я здесь увидела: а увидела я прибранный дом, накрытый стол, вспаханное поле, радостные цветы. Все на своем месте, все так, как должно быть. Ты понял, что без малых дел не бывает великих свершений.

И потому я перенесу тебя прямо в Рай.

И выступив из толпы, швея по имени Альмира сказала:

— Я могла бы уехать отсюда еще до прихода крестоносцев и сейчас жила бы себе в Египте. Но меня всегда страшили перемены.

И Копт ответил ей так:

— Все мы страшимся перемен, ибо уверены, что после многих жертв и усилий сумели наконец познать наш мир.

И пусть даже он несовершенен, пусть мы недовольны им, по крайней мере, он не сулит загадок и неожиданностей. И мы не совершим неверный шаг.

Если же будет необходимо, мы согласимся на небольшие перемены ради того, чтобы все и дальше так продолжалось.

Мы видим горы — они всегда остаются на своих местах. Мы видим, что если пересадить взрослые деревья, они не приживаются и на новом месте.

И говорим: «Хочу быть подобен горе и дереву. Хочу прочности и уважения».

Но порой просыпаемся посреди ночи с мыслью: «Я хочу быть как

птица, хочу полететь в Дамаск и Багдад и возвратиться, когда пожелаю».

Или: «Как хорошо быть ветром, который неизвестно откуда берется, неведомо куда девается и меняет направление, никому ничего не объясняя».

Но наутро вспоминаем, что птицам приходится остерегаться охотников и своих же хищных собратьев. И что ветер порой оказывается заключен в смерч и тогда лишь разрушает все на своем пути.

Отрадно представлять себе, что где-то есть простор, куда однажды можно вырваться, что мы и сделаем когда-нибудь непременно. Подобные мечты греют душу: мы знаем, что в силах сделать больше, чем сделали.

Мечты сами по себе не опасны. Опасность возникает при попытке воплотить их в жизнь.

Но настанет день, и Судьба остановится у нашей двери. Раздастся осторожный стук Ангела Удачи или по-крысиному станет скрестись в нее Незваная Гостья. И оба скажут: «Меняйся. Не через неделю, не через месяц, не через год». Оба скажут: «Пора!»

Мы покорно внимаем Незваной Гостье. И меняемся из страха перед ней: меняем родину привычки, еду, обувь, поведение. Мы не можем уговорить Незваную Гостью, упросить ее оставить все как было. Она не поддерживает беседу.

А вот Ангела Удачи мы, хоть и слушаем, непременно вопрошаем: «Куда ты ведешь меня?»

И слышим в ответ: «К новой жизни».

Тут мы вспоминаем: но ведь у нас множество, ибо и мы сумеем справиться с ними, сколько, бы времени на это не ушло. Мы должны служить примером нашим родителям, нашим наставникам и нашим детям и не сворачивать с верного пути.

Наши ближние ожидают, что, глядя на нас, смогут усвоить себе добродетель постоянства, постичь, как противостоять бедам и напастям, как преодолевать препоны.

И мы испытываем гордость за себя. И с достоинством принимаем похвалы за то, что переменам предпочли неуклонное движение стезей, которую даровала судьба.

Это ошибка.

Ибо верный путь — это путь природы, и он изменчив, как барханы в пустыне.

Обманываются те, кто думает, будто горы — всегда неизменны: горы рождаются из землетрясения, их шлифуют ветра и ливни, и каждый день они — иные, просто наш глаз не в силах это заметить.

Горы меняются и радуются этому, говорят друг другу:

«Как хорошо, что мы не те, какими были».

Обманываются и те, кто думает, что не меняются деревья. Меняются — они принимают наготу зимы и наряд лета. И постоянно распространяются за пределы того места, где растут, ибо птицы и ветер разносят их семена.

И деревья радуются, и говорят детям своим, молодой поросли: «Я думало, что одно на свете, а сейчас вижу, как нас много».

Природа говорит нам: «Меняйтесь!».

И те, кто не боится Ангела Удачи, понимают, что надо идти вперед, невзирая на страх. Вопреки сомнениям. Наперекор угрозам.

Они бросают вызов своим ценностям и предубеждениям. Слышат советы любящих, которые говорят: «Не делай этого, у тебя есть уже все что нужно — любовь родителей, нежность жены и детей, работа, которую так непросто получить. Не рискуй — ты можешь оказаться чужаком в неведомом краю».

Но все же они решаются, они рискуют — и делают первый шаг, иногда из любопытства, иногда — движимые тщеславием, а чаще всего — неутолимой жаждой новизны.

С каждым поворотом дороги страх гнетет все сильнее. И вместе с тем, к собственному изумлению, они понимают, что сил прибавилось, и оттого безудержней делается их радость.

Радость. Это благословение Всемогущего Господа. Если есть радость — значит, мы на верном пути.

И страх мало-помалу отступает, не заполучив нас безраздельно.

Но один вопрос томит на первых порах неотступно: «Не пострадают ли ближние от моего желания перемен?»

Но ведь любящий хочет, чтобы любимый был счастлив. И если поначалу он тревожился за него, то уже очень скоро тревога уступает место гордости, ведь ближний человек делает что хочет, идет туда, куда влечет его мечта.

Двигаясь все дальше, идущий ощущает оставленность и беспомощность.

Но видит, что рядом, на том же пути, от этого страдают и другие странники. И поговорив с ними, убеждается, что он не одинок, а случайные попутчики становятся спутниками, и сообщая они принимают решения, которых требуют новые препоны. И все с удивлением обнаруживают, что они мудрее и живее, нежели казались себе прежде.

Но в те минуты, когда раскаяние или страдание прокрадывается под

полог их шатров, отгоняя сон, путники говорят себе: «Завтра — только завтра — я сделаю еще один шаг вперед. И я ведь всегда могу вернуться: дорогу-то я знаю. Так что один-единственный шаг ничего не изменит».

И так — день за днем, до тех пор пока однажды путь перестает испытывать путника и делается к нему благосклонен. И еще недавно смятенный дух его ныне радуется красотам и вызовам новых мест.

И каждый шаг его теперь осмыслен и осознан.

И он радуется уже не былой уютной надежности, а своей новообретенной готовности отвечать на все новые вызовы.

Путник продолжает странствие. И жалуется теперь не на уныние и скуку, а на усталость. Но когда приходит такая минута, он отдыхает, тешит взор красотой того, что вокруг, и следует своим путем.

И вместо того чтобы всю жизнь разрушать пути, по которым побоялся пройти, он приучается любить путь, которым теперь следует.

Пусть даже конечная цель кроется во мраке. Пусть даже в какую-то минуту он принял неверное решение. Господь при виде его отваги дарует силы исправить ошибку.

И теперь душу его томит не то, что с ним теперь происходит, но страх, что он не будет знать, как поступить. Однажды решившись следовать своим путем, он лишается выбора, он обнаруживает непреклонную волю, и события подлаживаются к его решениям.

«Трудность» — так называется старинное орудие, созданное для того лишь, чтобы помочь нам определиться, кто же мы такие.

Религия учит, что только верой и преображением можно приблизиться к Богу, Вера говорит, что мы ни на миг не останемся в одиноком забвении. Преображение заставляет нас полюбит тайну.

А когда все словно тонет во мраке, когда мы чувствуем, что беззащитны и бесприютны, мы не станем оглядываться назад, боясь увидеть, как сильно преобразились наши души. Мы будем смотреть вперед.

Мы без страха смотрим в завтрашний день, ибо знаем: есть Тот, Кто позаботится о нас.

И Он пребудет с нами всегда.

Он защитит нас от бед.

И даст силы достойно их пережить.

И мы пройдем дальше, чем думали. Отыщем место, где рождается утренняя звезда. И удивимся, что добраться туда оказалось проще, чем мы себе представляли.

Незванная Гостья приходит и за теми, кто меняется, и за теми, кто — нет. Но первые, по крайней мере, могут сказать: «Жизнь моя была полна, и благодать я не расточил впустую».

Ну, а тем, кто считает, что приключения опасны, я говорю: вам остается рутина, она убивает гораздо быстрее, до срока.

Тут кто-то из толпы попросил:

— Сейчас, когда гнетет ужас, так хочется возвысить дух. Расскажи нам о красоте.

И Копт ответил так:

— Принято говорить: «Важна не внешняя красота, а внутренняя».

Так говорят, но это неправда.

Будь так, разве цветы старались бы привлечь внимание пчел?

И разве капли дождя при встрече с солнцем превращались бы в радугу?

Ибо природа жаждет красоты. И умиротворяется лишь когда ее обретает.

Внешняя красота — это видимая часть красоты внутренней. А та видна по свету, что лучится из наших глаз. Не имеет значения, если человек одет как оборванец, или не подражает тем, кого принято считать образцами изящества, или не задумывается о впечатлении, которое производит. Глаза — зеркало души, и они отражают все, что кажется потаенным, но — подобно зеркалу — они отражают и того, кто в них смотрит.

И если в душе у этого человека царит мрак, в чужих глазах он увидит лишь собственное безобразие. Ибо, как и всякое зеркало, глаза возвращают каждому из нас отражение нашего лица.

Красота присутствует во всем творении. Опасность в том, что мы, люди, порой отдаляемся от Божественной Энергии и доверяемся чужим суждениям.

Отрицаем собственную красоту, потому что другие не могут или не хотят ее признавать. И вместо того чтобы принять себя такими, каковы мы есть, тщимся подражать тем, кто вокруг.

Стараемся быть похожими на тех, про кого все говорят: «Как он хорош!» — и мало-помалу наша душа истощается, наша воля скудеет, и весь запас сил, дарованный нам, чтобы сделать мир более прекрасным, растрачивается впустую.

Мы забываем, что мир таков, каким мы его себе представляем.

И вот уже мы — не лунный свет, но его отражение в луже. А ведь наутро, когда взойдет солнце, лужа бесследно испарится.

И все потому, что кто-то когда-то сказал: «Ты уродлив». Или: «Она прекрасна». Двух слов довольно, чтобы уничтожить нашу веру в себя.

Вот это и делает нас безобразными. Вот это и отравляет горечью.

В такие минуты мы ищем утешение в так называемой мудрости — в обширном наборе фраз, заботливо собранных теми, кто старается дать точные определения миру вместо того, чтобы почитать великую тайну жизни. Там правила, уставы, мерки и вся прочая совершенно ненужная кладь, призванная установить образцы поведения.

Эта ложная мудрость твердит: не заботьтесь о красоте, ибо она — поверхностна и преходяща.

Это не так. Все что ни есть под солнцем — от птиц небесных до гор, цветов и рек, — отражает чудо творения.

Если мы не поддадимся искушению согласиться с правом других определять, кто мы такие, мало-помалу мы добьемся того, чтобы свет сияющий у нас в душе, стал виден и окружающим.

Тогда Любовь, проходя мимо, скажет: «Как я раньше тебя не замечала?»

А душа ответит: «Я здесь, просто взглядишь внимательней. Нужно было, чтобы ветерок прочистил твои запорошенные пылью глаза. А теперь, когда ты меня признала, не покидай меня, ведь каждый из нас взыскует красоты».

Красота обитает не в одинаковости, а в различиях. Невозможно представить себе жирафа без длинной шеи или кактус без колючек. И то, что вершины окружающих нас гор — разной высоты, придает им особую значительность. Если бы рука человека попыталась сделать их одинаковыми, их вид не внушал бы такое почтение.

Дивит и привлекает как раз то, что кажется несовершенным.

Глядя на кедр, мы не думаем, что все ветви должны быть одной длины. Мы думаем о мощи этого дерева.

Когда верблюд пересекает пустыню, доставляя нас к месту назначения, мы не думаем: «Он горбат, и у него такие уродливые зубы». Нет, мы говорим себе: «Он достоин моей любви за верность и помощь. Если бы не он, я не познал бы мир».

Солнечный закат прекрасней, когда небо покрыто облаками разного размера и разных очертаний, потому что только так солнце может осветить все многообразие цветов и оттенков, из которых состоят мечты и рождается поэзия.

Достойны жалости те, кто думает: «Я некрасив, поэтому Любовь не постучит в мою дверь». На самом же деле Любовь стучала — но ей не

открыли, потому что не были готовы ее принять.

Они были слишком озабочены тем, чтобы вначале прихорошиться, в то время как и без того были хороши.

Они пытались подражать другим, тогда как Любовь искала нечто особенное.

Они старались отражать идущее извне, забывая о ярком Свете, что идет изнутри.

И сказал некий отрок, который должен был этой ночью покинуть город:

— Я никогда не знал, какой путь избрать.

Копт ответил так:

— Жизнь подобна солнцу, испускающему свет во все стороны.

Едва родившись, мы желаем обрести все и сразу, не соразмеряясь с энергией, что дарована нам от века.

Но если желаешь получить огонь, надо, чтобы солнечные лучи били в одну точку.

Божественная Энергия явила миру великую тайну огня.

Огня, который не только согревает нас, но и превращает зерно в хлеб.

Приходит минута, когда, чтобы жизнь обрела смысл, нам нужно сосредоточить этот внутренний огонь.

И мы вопрошаем небеса: «А что такое этот смысл?»

Иные сразу отбрасывают этот вопрос — он беспокоит, лишает сна, да и ответ на него не лежит под рукой. Это — те, кто проживает день завтрашний в точности так же, как день вчерашний.

А когда придет Незванная Гостья, они скажут: «Жизнь оказалась коротка; я расточил свою благодать».

Есть и иные — те, кто задумывается над этим вопросом. Сами они не знают, как на него ответить, и потому принимаются читать все, что написали те, кто отважился принять этот вызов. И внезапно отыскивают ответ, который кажется им верным.

И когда подобное происходит, они становятся рабами этого ответа. И составляют законы, обязывающие всех придерживаться этой истины. И в честь нее возводят храмы, а в защиту от тех, кто не желает ее принять, — места для судилищ.

Но есть и третьи — те, кто сознает: этот вопрос — ловушка, и ответа не имеет.

И вместо того чтобы попусту терять время, они решают действовать. Они возвращаются памятью в детство, ищут там то, что дарило когда-то

наибольший восторг и — вопреки советам умудренных опытом — жизнь свою кладут на это.

Ибо именно в нем, в детском восторге, и сокрыт Священный Огонь.

Мало-помалу они сознают, что в каждом их движении кроется некий таинственный импульс, запредельный человеческому знанию. И почтительно склонив голову перед этой тайной, они молятся, чтобы не свернуть с неведомого им пути, пройти который побеждает их огонь, воспламенивший душу.

Они действуют по наитию, когда оно проявляется, а если нет — строго соблюдают то, что называется дисциплиной.

Они смахивают на безумцев. И порой ведут себя как безумцы, однако они не безумны. Им открылись истинная Любовь и истинная Воля.

Только они — Любовь и Воля — определяют цель и прокладывают к ней путь.

Воля кристальна, Любовь — чиста, а поступь их тверда. В минуты сомнений и печали они не устают повторять: «Я — орудие. Дозволь мне быть орудием, способным выполнить Твою Волю».

Путь сокрыт, и куда он вел, можно порой понять лишь когда Незванная Гостья окажется рядом. В этом и заключена красота того, кто неотступно следует своей стезей, ведомый одним восторгом: он почитает чудо, и путь его прекрасен, а ноша легка.

Цель может быть грандиозной или скромнейшей, может находиться в дальней дали или совсем рядом с домом, но преследовать ее надо честно и почтительно. И знать, что означает каждый шаг, и как много будет зависеть от того, сколь хорошо ты подготовлен, какие усилия приложишь, как развито у тебя умение предчувствовать.

Идущий сосредоточен не только на цели, к которой стремится, — он замечает и все, что происходит вокруг. И часто вынужден останавливаться, ибо сил больше нет.

Тогда рядом возникает Любовь и говорит так: «Ты думаешь, что двिнешься в направлении некой точки, но стремиться стоит лишь к тому, что любишь. Передохни немного, а потом вставай и ступай дальше. Ведь когда твоя цель поймет, что ты идешь к ней, она сама бросится тебе навстречу».

И те, кто забывает вопрос, и те, кто отвечает на него, понимают, что единственный способ ответа — действие, — все они встретят на пути одни и те же препятствия и радоваться будут одному и тому же.

Но лишь тот, кто со смирением и мужеством принимает

неисповедимую волю Господа, знает, что идет верным путем.

Женщина не первой молодости, которая так и не встретила спутника жизни, заметила:

— Любовь всегда обходила меня стороной.

И Копт ответил ей так:

— Для того чтобы расслышать слова Любви, надо позволить ей подойти поближе.

Но когда Любовь оказывается рядом, мы порой боимся услышать то, что она собирается сказать. Ведь Любовь — свободна, и слова ее не зависят ни от нашей воли, ни от наших усилий.

Все любящие о том знают, но принять это не согласны. Уверены, что смогут улестить ее — покорностью ли, могуществом, красотой, богатством, слезами или улыбкой.

Но истинная Любовь всегда обольщает, а обольстить себя не дает.

Любовь преображает, любовь исцеляет. Но порой она подстраивает смертоносные ловушки и может погубить человека, решившегося целиком отдаться ее власти. Как сила, что движет миром и удерживает на своем месте звезды, может быть одновременно и созидательна и разрушительна?

Мы привыкли считать, что получаем ровно столько, сколько отдаем. Но те из нас, кто любит и надеется, что его будут так же любить в ответ, даром теряют время.

Любовь — это акт веры, а не обмен.

Эти противоречия заставляют любовь расти. Эта рознь позволяет любви оставаться на нашей стороне.

Слишком уж коротка жизнь, чтобы можно было утаивать в душе наиважнейшие слова.

Такие, как «Я тебя люблю».

Но не жди, что, произнеся их, непременно услышишь то же в ответ. Мы любим, потому что нуждаемся в любви. В противном случае любовь теряет смысл, а солнце меркнет.

Роза мечтает о пчелах, а их все нет.

«Не устала ли ты ждать?» — спрашивает ее солнце.

«Устала, — отвечает роза. — Но если сомкну свои лепестки — увяну».

Даже когда Любовь все не приходит, мы открыты ей навстречу. В те минуты, когда кажется, что одиночество вот-вот раздавит нас, сопротивляться этому можно лишь одним способом — продолжать любить.

Главная цель жизни — любовь. Прочее — молчание.

Мы нуждаемся в любви. Пусть даже она унесет нас в те края, где в

озерах — не вода, а слезы. В таинственные, неведомые края — в землю скорби.

Слезы говорят сами за себя. И когда нам кажется, что мы уже выплакали все что могли, они не иссякают. Но стоит лишь поверить, что вся наша жизнь есть долгий путь в Юдоль Скорби, как мы вдруг понимаем, что слезы высохли у нас на глазах.

Потому что, как ни мучительно это было, мы сумели держать сердце открытым.

Потому что сумели понять: ушедший не забрал с собой солнце и не оставил вместо себя тьму. Он всего лишь ушел — а в каждом прощании незримо присутствует надежда на встречу.

Гораздо лучше любить и терять любовь, чем не знать любви вовсе.

Наш единственный, наш верный выбор — броситься в пучину этой необоримой силы. Хотя и можем сказать: «Довольно я страдал; больше этого не будет», — и прогнать Любовь от нашего порога, но если сделаем такое, при жизни обратимся в мертвецов.

Ибо природа есть проявление Божественной Любви. Вопреки всему, что мы сделаем, природа продолжает любить нас. А потому постараемся постичь ее уроки и с уважением принять их.

Мы любим, потому что Любовь освобождает. Она заставляет произносить слова, которые прежде мы не осмеливались даже прошептать самим себе.

Мы наконец принимаем решение, которое без конца откладывали.

Мы учимся говорить «нет», хотя прежде чурались этого слова как проклятья.

Мы учимся говорить «да», не опасаясь последствий.

Мы забываем все прежние уроки Любви, потому что каждая новая встреча — единственная в своем роде, и она несет в себе свои собственные восторги и терзания.

Мы распеваем в полный голос, когда тот, кого любим, от нас далеко, и шепчем стихи, когда он рядом. Даже если он нас не слышит или не обращает внимания на наш шепот и наши вздохи.

Мы не закрываем глаз, чтобы потом не сетовать: «Я не вижу света!». Мы держим глаза открытыми, зная, что свет любви заставляет совершать необдуманные поступки. И все это дает нам любовь.

И сердце наше открыто для любви, и мы бесстрашно движемся ей навстречу, потому что нам больше нечего терять.

И тогда, вернувшись домой, мы обнаруживаем, что кто-то ждет нас

там, и ищет в точности то же, что искали мы, так же, как мы, томясь и терзаясь.

Ибо любовь подобна воде, что превращается в облако: она возносится в поднебесье и озирает все с высоты, но сознает, что однажды ей придется возвратиться на землю.

Ибо любовь подобна облаку, что проливается дождем: ее тянет вниз, к земле, которую она животворит.

Любовь — это всего лишь слово, но — до той минуты, пока мы не позволим ей обладать нами со всей ее недюжинной силой.

Любовь — это всего лишь слово, но — до тех пор, пока кто-нибудь не наполнит его смыслом.

Не отступай малодушно. Помни, что именно последний ключ в связке отмыкает запертую дверь.

Но некий юноша возразил ему:

— Слова твои хороши, но ведь на самом деле выбору нас почти всегда небогат. Наша судьба предрешена обстоятельствами рождения и теми, кто нас окружает.

И какой-то старик добавил:

— Я не могу вернуть себе прожитое и наверстать упущенные возможности.

И Копт ответил им так:

— Может быть, сейчас, накануне вторжения врага, мои слова кажутся бесполезны. И все же запомните их, сохраните в своей душе, чтобы когда-нибудь все узнали, как жили мы в Иерусалиме.

И поразмыслив немного, продолжал:

— Никому не дано вернуться назад, но каждый может идти вперед.

И завтра, чуть только рассветет, довольно будет сказать себе: «Я встречу новый день так, словно он в моей жизни — первый.

Я огляжу моих близких, радостно изумившись тому, что они — рядом, и мы безмолвно разделяем с ними чувство, именуемое любовью, о которой так много говорят, но которую мало кто понимает.

Я присоединюсь к первому же каравану, какой появится из-за горизонта, и не спрошу даже, в какую сторону он идет. И отстану от него, когда что-то иное привлечет мое внимание.

Повстречаю нищего, который попросит у меня подаяния, и я, возможно, подам ему, а может, подумаю, что он пропьет мою милостыню, и пройду мимо, и, слушая его брань, осознаю, что это всего лишь способ общения со мной.

Повстречаю человека, который пытается разрушить мост, — и, возможно, я вмешаюсь и прогоню его, а может, пойму, что он делает это потому, что никто не ждет его на другом берегу, и задуманное злодейство — лишь способ спугнуть собственное одиночество.

И так, словно впервые в жизни, я буду смотреть на все и вся — но особенно на незначущие мелочи, к которым привык настолько, что перестал воспринимать их магию. Например, на песчаные барханы, движимые непостижимой мне энергией — непостижимой потому, что мне не дано видеть ветер.

И на кусочке пергамента, который всегда ношу с собой, я запишу не то, что все равно никогда не забуду, а стихотворение. Не беда, что никогда прежде я не слагал стихов — и скорей всего не стану делать это впредь. — я узнаю, что мне хватило отваги облечь свои чувства в слова.

И приблизившись к знакомой деревне, я войду туда иной дорогой. Войду с улыбкой, и жители станут толковать между собой: «Видно, он сошел с ума, раз улыбается, когда от войны и мора земля наша перестала родить».

Но я не сгоню улыбку с лица — мне нравится, когда люди называют меня безумцем. И улыбка моя — всего лишь способ сказать: «Тело мое можете убить, но душу мою вам не уничтожить».

И нынче вечером, перед тем как уйти, я займусь грудой вещей, до которой раньше никак не доходили руки. И обнаружу под конец, что есть там кое-что из моей истории. Все письма и заметки, вырезки и расписки обретут собственную жизнь и сумеют поведать мне много любопытного — о прошлом и будущем. О, сколько всего на свете: сколько пройденных дорог сколько концов и начал было в моей жизни.

Я надену любимую рубашку и впервые задумаюсь над тем, как она скроена. Я представлю себе руки, которые соткали для нее полотно, и реку, на берегу которой рос хлопок, давший ткачам свои волокна. И пойму, что все эти невидимые сейчас вещи вплелись в историю моей рубашки.

И даже в том, к чему я привык, — например в башмаках, от долгой носки принявших форму моей ноги и ставших как бы ее продолжением, — мне откроется доселе не открытая тайна. А поскольку я направляюсь в будущее, это открытие поможет мне — теми отметинами, что оставались на башмаках каждый раз, когда в прошлом я спотыкался.

И пусть все, чего коснется моя рука, увидят мои глаза и отведают мои уста, станет иным, оставаясь прежним. И тогда все это перестанет быть неодушевленным и объяснит мне, почему эти вещи остаются со мной так долго, и явит мне чудо вновь обретенных чувств и эмоций, казалось,

сношенных рутиной до дыр.

Я отведаю чай, которого прежде не пил, ибо мне говорили, что у него скверный вкус. Я пройду по улице, на которой никогда не бывал, ибо мне говорили, что там нет ничего интересного. И сам определяю, стоит ли туда возвращаться.

Я хочу впервые взглянуть на солнце, если завтра его не закроют тучи.

А если закроют — хочу глядеть, куда гонит их ветер. Раньше мне все казалось, что на это нет времени или что это не стоит внимания. А потому завтра я непременно буду смотреть на тучи или на солнечные лучи и тени, которые они образуют.

У меня над головой простирается небо, которому человечество, тысячелетиями наблюдающее за ним, сплело множество разумных объяснений.

Однако я позабуду все, что знаю о звездах, и они вновь превратятся и ангелов, или и души детей, или в то, чем мне захочется представить их в эту минуту.

Прожитые годы дали всему на свете последовательные и складные объяснения, но моей душе нужны чудеса. Я нуждаюсь в них — в том, чтобы в громовом раскате слышать голос разгневанного бога, хоть многие здешние люди и сочтут это вздорной выдумкой.

Но я хочу снова заполнить жизнь выдумками, потому что разгневанный бог — гораздо любопытней, занимательней и страшней, нежели то, как объясняют это природное явление наши мудрецы.

Впервые в жизни я буду улыбаться без чувства вины, потому что радость — это не грех. Впервые в жизни избегну того, что заставляет страдать, потому что страдание — не добродетель.

И не стану жаловаться на жизнь, твердя при этом, что я все равно ничего не в силах изменить. Ведь нынешний день проживаю как первый, и покуда длится он, я узнаю множество такого, о чем даже не подозревал.

И, хоть бессчетно ходил по одним и тем же улицам и здоровался с одними и теми же людьми, сегодня мое «Здравствуйте!» прозвучит иначе. Это будет не общепринятая дань учтивости, но что-то вроде благословения, продиктованного желанием, чтобы все сознавали важность оставаться живым — пусть даже беда нависла над нами и враги подступают все ближе.

Я впервые вслушаюсь в слова уличного музыканта, распевającego на улице, — пусть остальные не обращают на него внимания, потому что души их скованы страхом. А слова меж тем такие: «Любовь царит самодержавно, но где воздвигнут ей престол, узнает тот лишь, кто решится

стать ее верноподданным».

И дерзну отворить двери в святилище, ведущее в мою душу.

И надеюсь взглянуть на самого себя так, словно впервые вступаю в связь с плотью моей и душой. И надеюсь принять себя таким, каков я есть. Человеком, который ходит, чувствует и говорит как и всякий другой, но — в отличие от всех — наделен отвагой.

Надеюсь, что сумею удивиться самым простым своим поступкам — вроде разговора, затеянного с незнакомцем. Самым обычным своим ощущениям — например, когда ветер, налетев со стороны Багдада, швырнет мне в лицо песчинки. Самым нежным своим чувствам — взглянув на спящую рядом жену и попытавшись отгадать, что она видит во сне.

А если окажусь в постели один — встану, подойду к окну, взгляну на небо и уверюсь в том, что мое одиночество — ложно, ибо со мной — вся Вселенная.

И каждый час этого дня я стану проживать с непреходящим изумлением перед самим собой. Перед тем Мной, которого взрастили и воспитали не отец, не мать, не школа, но все, что я видел до сегодняшнего дня, что внезапно забыл, а теперь открыл для себя заново.

И пусть даже это будет мой последний день на земле, я сделаю все возможное, чтобы прожить его с невинностью ребенка — так, словно все, что я делаю, буду делать впервые».

Тут попросила жена купца:

— Расскажи нам о сексе.

И Копт ответил так:

— Мужчина и женщина шепчутся между собой потому, что превращают священнодействие в греховный акт.

Так устроен наш мир. И выкрадывать настоящее из его действительности — опасно. Но неповиновение, если применять его где следует, может стать заслугой.

Если соединяются лишь тела, это еще не секс, это просто удовольствие. Секс — или, как я бы сказал, плотская любовь — много больше, чем удовольствие.

В ней сопряжены усилие и покой, боль и сладость, робость и решимость перейти границы. Как сделать так, чтобы противоположности стали созвучны друг другу? Есть лишь одно средство — ввериться беззаветно. Ибо это означает: «Я тебе доверяю». Не хватит воображения представить все, что может произойти, если мы позволим слиться не только нашим телам, но и душам.

И соединясь, вместе мы вступаем на опасный путь. Он опасен, но

другого не существует.

И пусть это породит невиданные изменения в нашем мире, нам уже нечего терять — зато обретаем мы истинную любовь, отворяем ту дверь, что соединяет плоть и дух.

И хорошо бы позабыть то, чему нас учили: что давать — благородно, а принимать — унижительно.

Ибо для большинства людей благородство заключается в стремлении отдавать. Однако приятие — тоже акт любви. Позволить другому сделать тебя счастливым значит осчастливить и его тоже.

Но чрезмерное великодушие во время акта, когда первой целью мы считаем удовольствие другого, уменьшает, а то и делает недостижимым наше собственное удовольствие.

Когда же мы готовы брать и давать одинаковой мерой, плоть становится туга, как тетива лука, а разум расслабляется как еще не пущенная стрела. Не разум управляет этим действием, наитие и инстинкт — вот наши вожатые и проводники.

Плоть и дух соединяются, и Божественная Энергия наполняет не только те части тела, которые считаются созданными для любви, но каждый волосок, каждую клеточку кожи, и свет, который от них исходит, имеет свой собственный оттенок. Два потока сливаются в русло единой реки, прекрасной и могучей.

Все, что имеет отношение к духу, обретает зримый облик, все, что доступно глазу, преобразуется в духовную энергию.

Дозволено все, что принимается.

Любовь порой устает от речей, ласковых и нежных. Так пусть же она выражает себя в полном блеске, пусть опаляет, как солнце, разрушает, как вихрь, валящий деревья в лесу.

Если один из влюбленных отдается полностью, другой сделает то же самое — раз уж стыдливость переплавилась в любопытство. Любопытство же побуждает нас открывать все непознанное в себе самих.

Принимайте секс как дар, как таинство преображения. И как в любом ритуале, экстаз знаменует его окончание, но это не единственная цель. Секс — это путешествие двоих в неведомую страну, изобилующую золотом, миррой и ладаном.

Пусть понятие «сакральное» обретет всю полноту своего смысла. А если возникнут сомнения, непременно следует помнить: мы не одни, в такие мгновения оба испытывают одни и те же чувства.

Без колебаний открывайте потаенный ларец своих фантазий. Отвага

одного подстрекнет храбрость другого.

Лишь те, кто истинно любит, смогут войти в сад наслаждения, не опасаясь пересудов. Не будет больше двух встретившихся тел и душ — появится единый родник, откуда бьет струей живая вода.

Звезды будут созерцать нагие тела любовников, не ведающих стыда. А души их будут возноситься, словно птицы небесные, что порхают вокруг. Крадучись, сторожко приблизятся дикие звери, ибо им предстанет зрелище куда более дикое, чем они сами. И в знак покорности и уважения они опустят головы.

И время остановит свой бег. Ибо в краю наслаждения, рожденного истинной любовью, все бесконечно.

Тут один из воинов, готовившийся на завтра умереть в бою, но все же пришедший на площадь послушать Копта, сказал:

— Мы разъединены, хоть желали быть едины. Города, что окажутся на пути захватчиков, в конце концов заплатят за последствия не ими сделанного выбора. Какие слова обратить выжившим к своим детям?

И Копт ответил:

— Человек рождается в одиночку и в одиночку умирает. Но мы, покуда живем на земле, обязаны принимать и возносить проявления веры у других людей.

Сообщество — это и есть жизнь: от него проистекает наша способность к выживанию. Так было, когда мы жили в пещерах, так продолжается и доньше.

Уважай тех, кто возрастал и учился вместе с тобой. Уважай тех, кто наставлял тебя в науках. Когда придет день — учи других, и тогда общество будет существовать и дальше, не утратив своих традиций.

И тот, кто не разделяет с другими их радости и печали, никогда не поймет свои собственные свойства и особенно — недостатки.

Будь всегда настороже, чтобы тебя не застали врасплох опасности, подстерегающие общество: люди склонны вести себя как все. Они берут за образец собственные ограничения, сами будучи исполнены страхов и предрассудков.

Такова цена, и она весьма высока: чтобы тебя сочли своим, нужно всем угодить.

Тем паче что это вовсе не означает проявить уважение к тем, кто вокруг. Это значит продемонстрировать неуважение к себе самому.

Любим и почитаем другими тот лишь, кто к самому себе относится с любовью и уважением. Тот, кто пытается нравиться всем, не будет мил

никому.

Ищи себе союзников и друзей среди тех, кто твердо знает, что они делают и кто они такие.

Я не говорю — ищи подобных себе. Я говорю — ищи тех, кто думает иначе и кого ты никогда не сумеешь убедить в своей правоте.

Ибо дружба — один из многих ликов Любви, а Любовь не взвешивает мнения и суждения: она принимает другого безоговорочно, позволяет ему расти и сама растет вместе с ним.

Дружба — это не отречение от себя, но акт веры.

Не пытайся стать любимым любой ценой, ибо Любовь — бесценна.

И не тот тебе друг, кто привлекает взгляды всех, кто в чадую самообольщения твердит: «Никого нет во всем Иерусалиме лучше, щедрей и благородней».

Ищи себе друзей среди тех, кто не станет ждать, пока совершится событие, чтобы потом рассудить, как к этому отнестись; кто принимает решения, уже начав действовать, хоть и знает, как это может быть рискованно.

Кто наделен свободой, позволяющей — если того потребует жизнь — менять направление движения. Кто пролагает новые пути, ищет новые земли и вплетает в историю родного города или селения рассказы о своих странствиях.

Тех, кто, избрав однажды опасный и извилистый путь, никогда тебе не скажут: «Не делай этого!». А ограничатся тем лишь, что предупредят: «Эта дорога трудна и опасна».

Ибо они уважают твою свободу — так же, как ты уважаешь их.

Старайся, чего бы это тебе ни стоило, избегать людей, которые оказываются рядом лишь в горестные для тебя минуты и со словами сочувствия на устах. Потому что на самом деле они говорят себе: «Я сильней. Я мудрей. Со мной бы такое не случилось».

Держись тех, кто приходит к тебе в минуты радости.

Ибо в их душах нет ни зависти, ни ревности, и они счастливы тем, что счастлив ты.

Избегай и тех, кто считает себя сильнее прочих. На самом деле они скрывают свою слабость.

Держись людей, которые не боятся признать, что они ранимы. Они верят в себя и твердо знают, что всякий может оступиться, и считают это признаком не слабости, но человечности.

Избегай также таких, кто говорит больше, чем делает, и кто никогда не совершит поступка, не будучи уверен, что прославится.

Держись людей, которые не скажут тебе, если ошибешься: «Я бы поступил иначе». Ибо тот, кто не делал, судить не вправе.

Избегай и таких, кто заводит друзей для придания себе большего веса в обществе или ради того, чтобы открылись врата, к которым прежде они и приблизиться не могли.

Держись тех, для кого ничего нет важнее, чем открыть врата твоей души. Но открыв, никогда не войдет в них без твоего согласия и позволения и не воспользуется твоим доверием, чтобы пустить в тебя смертельную стрелу.

Дружба во многом подобна реке: она струится, огибая скалы, приноравливает свой бег к долинам и холмам и порой превращается в озеро, чтобы потом, заполнив эту впадину, продолжить свой путь.

Ибо как река не забывает, что всегда стремится к морю, так и дружба помнит, что единственная ее цель — делиться любовью с ближним.

Избегай тех, кто говорит: «Довольно! Здесь и остановимся». Ибо им не дано понять, что ни у жизни, ни у смерти нет конца — то и другое всего лишь ступени вечности.

Держись тех, кто говорит: «Хоть здесь и прекрасно, надо двигаться дальше». Ибо они знают, что наш путь лежит за горизонты изведанного.

Избегай и тех, кто с видом важным и значительным рассуждает, какие решения должно принять общество. Они разбираются в политике, блещут познаниями и думают, что выказывают мудрость. Но не понимают: превыше сил человеческих сделать так, чтобы и единый волосок не упал с головы. Как ни важен упорядоченный ум, надлежит держать окна и двери открытыми для прихода нежданных прозрений, смутных наитий.

Держись тех, кто распевает песни, рассказывает забавные истории, кто наслаждается жизнью и у кого веселые глаза. Ибо веселье заразительно и всегда может отыскать решение там, где логике под силу дать лишь объяснение ошибке.

Держись тех, кто излучает свет Любви без ограничений, без осуждений, без ожиданий награды и без опасений, что это будет не понято.

И как бы ты ни чувствовал себя утром, поднимайся и готовь себя к тому, что ты должен принимать и излучать свет.

Тут одна девушка, которая редко выходила из дому, потому что считала себя непривлекательной, сказала так:

— Научи меня быть изящной.

Ропот пробежал среди собравшихся на площади: как можно просить о таком, когда враг у ворот, и скоро улицы Иерусалима обагрит кровь?

Но Копт улыбнулся — и в его улыбке не было насмешки, но лишь

уважение к отваге этой девушки.

И ответил ей:

— Изящество обычно считают чем-то внешним и поверхностным. Нельзя заблуждаться сильнее. Есть слова изящные, есть такие, что ранят и разрушают, но те и другие пишутся одними и теми же буквами. Изящны цветы, хоть они и скрыты в луговой траве. Изящен бег антилопы, хоть она и спасается от львиных когтей и клыков.

Изящество — не внешнее свойство, но явленная взглядам других людей часть души.

И сколь бы ни силен был вихрь страсти, изящество не даст порвать узы, соединяющие двоих, если узы эти — истинны.

Изящество — не в одеждах, носимых нами, но и том, как мы их носим.

И не и том, как владеем мы оружием, но в умении начать диалог и избежать кровопролития.

Изящество достижимо, когда отброшено нее поверхностное, и обнаруживается сосредоточенность и простота: и чем проще и строже повадка человека, тем он прекрасней. Но что есть простота? Это встреча с истинными ценностями.

Снег прекрасен, ибо наделен лишь одним цветом — белым.

Море прекрасно, ибо поверхность его кажется нежной и гладкой.

Пустыня прекрасна, ибо в ней нет ничего, кроме песка и камней.

Но когда подойдешь поближе и взглядишься и в снег, и в море, и в пустыню, ты обнаружишь всю их изменчивость и сложность.

То, что представляется самым простым, на поверку оказывается необыкновенным. Надо только дать раскрыться этим вещам и явлениям.

Взгляните на полевые лилии: они не прядут и не ткут. А меж тем даже царь Соломон в зените своей славы не одевался лучше их.

Чем ближе сердце к простоте, тем больше его способность любить без ограничений и страхов. Чем выше способность любить без страха, тем очевидней изящество, сквозящее в каждом движении.

Нет, это не вопрос вкуса. В каждой культуре — свое представление о красоте, и зачастую представления эти отличаются от наших разительно.

Но у всех племен и народов есть ценности, в которых проявляется изящество, — это гостеприимство, уважение, деликатность.

Высокомерие рождает ненависть и зависть. Изящество пробуждает уважение и Любовь.

Надменность унижительна для подобного тебе. Изящество направляет нас по дороге, ведущей к свету.

Высокомерие искусственно усложняет речь, ибо считает ум достоянием немногих избранных. Изыщество делает сложные мысли доступными разумению всех и каждого.

От того, кто следует избранной стезей, исходит свет и ощущение изыщества.

Шаг его тверд, взгляд пристален, жесты благородны. И даже в самые трудные минуты врагу не заметить в нем признаков слабости, ибо изыщество защищает его.

Это изыщество принимают с восхищением, ибо он не прилагает для того никаких усилий.

Только Любовь придает форму тому, о чем прежде невозможно было мечтать.

И только изыщество делает эту форму зримой.

Пастух, чуть свет выгонявший свое стадо на пастбища вокруг Иерусалима, заметил:

— Этот грек долго учился наукам и поднаторел говорить красивые слова, меж тем как нам приходится тяжело работать, чтобы прокормить семью.

И Копт ответил:

— Красивыми словами говорят поэты. Придет день — и кто-нибудь напишет:

*Во сне я увидал, что жизнь дана
для Счастья,
Проснувшись, осознал что жизнь —
суровый Долг,
Я выполнил свой Долг, и Счастьем
стала жизнь.*

Труд — это выражение Любви, которое объединяет живущих. Чужой труд дает нам то, без чего мы не можем жить, а наш собственный питает других.

Есть два вида работы.

Первую делают по обязанности и только чтобы снискать хлеб насущный. В этом случае люди всего лишь продают свое время, не понимая, что никогда не смогут выкупить его обратно.

Всю жизнь они мечтают о том, что придет день — и они наконец отдохнут. А когда этот день настает, оказывается, что они уже слишком

стары, чтобы наслаждаться тем, что предлагает им жизнь.

И эти люди никогда не берут на себя ответственность за свои поступки. Они говорят: «У меня не было выбора».

Но есть и другая работа.

За нее люди берутся, чтобы заработать на хлеб насущный, но умудряются наполнить каждую минуту преданностью и любовью к другим.

Назовем эту работу Приношением. Представим себе двоих людей, которые из одних и тех же продуктов готовят одно и то же блюдо, но только первый все что делает, делает с Любовью, а второй всего лишь заботится о том, чтобы насытится. И хотя любовь нельзя ни увидеть, ни взвесить, вкус у блюд будет разным.

Тот, кто занят Приношением, неизменно поучает награду. И чем больше дробит он свою любовь, тем больше она умножается.

Когда Божественная Энергия приводила Вселенную в движение, все звезды и планеты, все моря и леса, все горы и долины получили возможность участвовать в Творении. То же произошло с людьми.

Кое-кто говорил: «Нет, мы не желаем. Мы не сможем исправить ошибки и покарать несправедливость».

Другие же говорили: «Потом лица своего орошая пашню, возношу я хвалу Творцу всего сущего».

Но явился дьявол и медовым голосом зашептал: «Ты будешь каждый день тащить огромный камень на вершину горы, а когда дотащишь — он неизменно скатится вниз, к подножью».

И все, кто поверил ему, сказали: «Ничего нет в жизни, кроме бессмысленного повторения одной и той же работы».

А те, кто не внял сладким речам, ответили: «Что ж, теперь я люблю камень, который должен волочь на гору. И потому каждая минута ним будет посвящена тому, кого люблю».

Приношение — это молитва без слов. И как всякая молитва, она требует неукоснительного порядка: но ведь порядок — это не рабство а осознанный выбор.

Не надо говорить: «Судьба ко мне несправедлива. Покуда одни идут путем своей мечты, я тружусь от зари до зари чтобы выжить».

Ибо судьба ни к кому не может быть несправедлива. Всякий из нас волен любить или ненавидеть то, что делает.

Когда любим — наши ежедневные труды дарят нам такую же радость, как тем, кто отправится исполнять свои мечты.

Никому не дано оценить величие и важность того, что делает человек.

В том-то и состоит тайна и красота Приношения: это поручение, ниспосланное нам, и мы должны ему довериться.

Пахарь может возделывать землю, но не может сказать солнцу: «Ярче свети сегодня!». Не может и приказать облакам, чтобы пролились дождем в такой-то час. Он должен делать то, к чему призван, — пахать поле, бросать в борозду семена и в ожидании урожая осваивать дар терпения.

Временами, увидев, что урожай погиб и все труды были напрасны, он будет впадать в отчаянье. Но ведь и тому, кто идет исполнять свою мечту, случается раскаиваться В своем выборе: и ему порой хочется вернуться и отыскать работу, которая просто его прокормит.

Но уже на завтра в сердце каждого труженика и каждого искателя приключений вновь пробуждаются и радость, и вера. Оба увидят плоды Приношения и будут счастливы ими.

Потому что и тот и другой поют одну песню, и в ней звучит радость от того, что им дано было некое поручение, и они выполнили его.

Поэт умер бы с голоду, не будь пахаря. Пахарь умер бы с тоски, не распевай он песен, сочиненных поэтом. Делая Приношение, ты позволяешь другим любить тебя.

И сам учишься любить других через то, что приносят они.

И тот же пастух, что говорил о работе, спросил настойчиво:

— Но почему одни люди добиваются большего, чем другие?

И Копт ответил так:

— Успех приходит не от чужого признания. Это — всходы того, что ты посеял с любовью.

Когда приходит пора собирать урожай, ты можешь сказать себе: «У меня получилось».

Ты сумел — ты добился того, что твой труд уважаем, ибо ты работал не только для того, чтобы выжить, но и затем, чтобы показать свою любовь к ближним и дальним.

Ты сумел завершить начатое, хоть и не предвидел всех ловушек, что попадались на пути. А когда твой порыв начинал иссякать, ты призывал на помощь дисциплину. Когда же и она ослабевала от твоей усталости — ты воспользовался минутами отдыха, чтобы задуматься о дальнейших шагах.

Ты не оцепенел от поражений, неизбежных в жизни всякого, кто идет на риск. Не стал задумываться о том, что потерял, когда выношенный тобой замысел провалился.

И не остановился, когда пришла минута торжества. Потому что цель еще не была достигнута.

И когда понял, что пришла пора просить о помощи, не счел это

унизительным. А когда узнал, что в помощи нуждается кто-то другой, выказал все свои умения, не боясь выдать своих секретов, не опасаясь, что ими воспользуются. Ибо сказано — стучите, и отворят вам. Просите, и дано будет вам. И плачущий — утешится. И даже если это случится не тогда, когда ты этого ждешь; рано или поздно ты увидишь плоды того, что с такой щедростью раздавал.

Успех сужден тем, кто не теряет времени на сравнение своих побед с чужими достижениями.

Успех входит в дом того, кто твердит неустанно: «Я отдам все лучшее во мне».

А те, кто взыскует лишь успеха, почти никогда его не обретают, ибо успех — это не конец, но лишь следствие.

Одержимость — плохое подспорье почти во всем: она сбивает с пути и в конце концов отнимает у нас способность наслаждаться жизнью.

Богат не тот, у кого есть груда золота высотой вон с тот холм в южной части нашего города. А тот, кто ни на единую секунду своего бытия не порывает связи с Божественной Энергией.

Да, надо иметь цель. Но по мере продвижения к ней стоит время от времени останавливаться и, оглянувшись вокруг, наслаждаться тем, что видишь. И с каждым следующим отвоеванным шагом ты будешь видеть дальше и открывать для себя неизведанное.

И вот в такие минуты важно спросить себя: «Осталось ли нетронутым то, что всегда было мне так дорого? Я стараюсь нравиться другим и Для того делаю то, чего они от меня ожидают или же в самом деле непреложно убежден, что в работе выражаю объятую восторгом душу? Любой ли ценой хочу я достичь успеха — или благодаря тому, что сумею наполнить мои дни Любовью?»

Успех проявляется в том, что жизнь становится богаче, а не в сундуках, набитых золотом.

Ибо всякий человек может сказать: «Употреблю свои деньги на то, чтобы сеять, возвращать, собирать урожай и засыпать его в житницы, и ни в чем не буду терпеть недостатка». Но тут явится Незванная Гостья — и все усилия пойдут прахом.

Имеющий уши да слышит.

Не старайся сократить путь, но следуй им так, чтобы от каждого деяния твоего прочней становилась почва под ногами и красивей — природа вокруг тебя.

Не тщишься сделаться Повелителем Времени. Если поспешишь и соберешь плоды раньше срока — они будут незрелы и никому не принесут

отрады. Если же из страха или неуверенности и себе промедлишь с Приношением — они сгниют.

А потому наблюдай время от сева до сбора урожая.

И вслед затем ожидай чуда превращения.

И помни покуда тесто еще в печи, его нельзя назвать хлебом.

И покуда слова еще теснятся в горле, их нельзя назвать стихами.

И покуда нити еще не сплетены руками ткача, их нельзя назвать полотном.

Когда настанет время показать другим твоё Приношение, все восхитятся и будут говорить друг другу так: «Этот человек добился успеха, потому что всем желанны плоды его труда».

И никто не спросит, чего стоило обрести их. Ибо творение того, кто трудится с любовью, проникнуто красотой столь всепобеждающей, что едва ли доступно глазу. Подобно тому как акробат взлетает в воздух без видимых усилий, так и успех — когда приходит — кажется делом самым что ни на есть естественным.

А меж тем если бы кто-нибудь решился расспросить, в ответ прозвучало бы: «Я уж готов был дрогнуть и сдаться, мне казалось, что Бог больше не слышит меня, часто мне приходилось сворачивать со стези, а порой и оставлять ее. Но несмотря ни на что я возвращался и шел дальше, ибо был убежден, что только так можно прожить дарованную мне жизнь.

И я усвоил, через какие мосты следует переходить, а какие — жечь».

Я — поэт, я земледелец, художник, воин, священнослужитель, купец, учитель, политик, ученый, — но и тот, кто занят лишь заботой о доме и детях.

Я вижу — есть много людей, стяжавших себе славу громче моей, и зачастую слава их заслуженна. Бывает, впрочем, что это лишь проявление честолюбия или тщеславия, а потому век ее будет недолог.

Что же такое успех?

Это — возможность каждую ночь засыпать с миром в душе.

Девушка по имени Альмира, которая все еще верила, что ангельские рати сойдут с небес и отстоят священный город, попросила:

— Расскажи нам о чуде.

И Копт ответил:

— Что есть чудо?

Можно по-разному определить это понятие: нечто такое, что происходит вопреки законам природы, нежданное избавление от

неминуемой беды, видения и исцеления, невозможные встречи, вмешательство высших сил в тот миг, когда явилась Незванная Гостья.

И каждое определение будет верным. Но истинное чудо есть нечто большее — это то, что внезапно наполняет наше сердце Любовью. И когда это происходит, мы ощущаем глубочайшую благодарность за благодать, которой осенил нас Бог.

И значит, мы можем просить: «Отче наш, чудо насущное дай нам днесь».

Даже если мы неспособны заметить его, ибо наш разум как будто неотступно занят помыслами о великих деяниях и победах. Даже если были столь погружены в рутину, что не заметили, как чудо изменило течение нашей жизни.

И потому в ту пору, когда пребываем в тоске одиночества, мы будем зорко вглядываться, чутко вслушиваться в то, что нас окружает, — в распускающийся цветок, в ход небесных тел, в отдаленную птичью трель и детские голоса.

И дай нам Бог понять, что на свете существует нечто столь важное, что постигать его суть следует без чьей бы то ни было помощи. И не чувствовать себя в такие минуты оставленным: ибо Он всегда и неизменно с нами — и готов вмешаться, если мы по беспечности слишком близко подойдем к краю бездны.

Дай нам идти вперед, преодолевая страх, и принимать непостижимое вопреки нашему настойчивому желанию все объяснять и познавать.

Дай нам усвоить, что сила Любви в ее противоречиях. И что Любовь жива не потому, что прочна и устойчива и не встречает вызовов, но потому, что изменчива.

Дай нам понять, что каждый раз при виде того, как унижен надменный и как вознесен униженный, мы видим чудо.

А когда от усталости подгибаются ноги, дай нам силу, что заключена в душе, и пусть она ведет нас. Когда же утомится и душа, дай возможность идти вперед силой Веры.

Дай нам увидеть в каждой песчинке пустыни явленное Тобой чудо разнообразия, и пусть это вдохнет в нас отвагу принимать себя такими, каковы мы есть. Потому что как во всем мире не найти двух совершенно подобных друг другу песчинок, так не существует людей, которые бы мыслили и действовали одинаково.

Одари нас умением принимать смиренно, а отдавать — радостно.

Дай осознать, что мудрость заключена не в ответах, которые мы получаем, но — в вопросах, обогащающих нашу жизнь.

Сделай так, чтобы мы не стали рабами ложного знания, ибо на деле мы знаем ничтожно мало о Судьбе. Но пусть это побудит нас действовать безупречно с помощью четырех добродетелей — отваги, изящества, любви и дружбы.

Отче наш, чудо насущное дай нам днесь.

Подобно тому как на вершину горы ведут разные тропы, так и к достижению мечты можно подойти разными путями. Дай нам найти тот единственный путь, что достоин быть пройденным, — путь, где являет себя Любовь.

И пусть, прежде чем вызвать любовь в других, дано нам будет пробудить Любовь, дремлющую в нас самих. Лишь тогда мы будем достойны нежности, уважения и восторга.

Дай нам умение отличать нашу борьбу от той, в которую нас втянули против воли, и от той, которой мы не смогли избежать, потому что судьба вынудила нас в нее ввязаться.

Дай глазам нашим открыться и увидеть, что не бывает двух одинаковых дней. Каждый привносит в мир особое чудо, которое позволяет нам дышать, мечтать и идти вперед, озаренными солнцем.

Дай и ушам нашим услышать верные слова слетающие порой с уст ближних, — хоть мы и не просили совета, и никто не знал, что творилось в ту минуту в нашей душе.

Дай и устам нашим, раскрывшись, обрести свойство говорить не только на языке людей, но и наречием ангелов, и сказать так: «Чудеса не противоречат законам природы; мы думаем иначе потому, что законы природы нам неведомы».

И в тот миг, когда нам удастся все это, дай нам смиренно опустить голову и сказать: «Я был слеп и прозрел. Я был нем и обрел дар речи. Я был глух, а теперь слышу. Ибо чудо Господне действует во мне и возвращает мне все, что я считал утраченным».

Ибо таким и бывает чудо. Оно раздирает покровы и преобразует все, но никогда не позволяет рассмотреть, что за ним таится.

Оно выводит нас невредимыми из долины мрака и смерти, но не объясняет, какой дорогой идти к вершинам света и счастья.

Оно открывает двери, запертые на замки, которые невозможно взломать, но при этом обходится без ключей.

Оно окружает солнца планетами, чтобы они не чувствовали себя затерянными во Вселенной, и не подпускает планеты слишком близко, чтобы солнца их не поглотили.

Оно трудом обращает зерно в хлеб, и терпением — виноград в вино, а воскрешением мечты обращает смерть — в жизнь.

И потому, Отче наш, мечту нашу насущную дай нам днесь.

И прости нас, если мы не всегда способны распознать.

Человек, который слышал доносившиеся из-за крепостных стен воинственные песни крестоносцев и опасался за себя и свою семью, попросил:

— Расскажи нам о тревоге.

И Копт сказал:

— Ничего нет в ней постыдного и порочного.

Смертному не дано распоряжаться временем, которое принадлежит Богу, но в условие человеческого существования входит желание получить ожидаемое как можно скорей.

Или напротив — пытаться отсрочить то, что внушает страх.

Так происходит с детства — и до той поры, когда жизнь делается нам безразлична. Когда связаны с настоящей минутой, мы непременно и жадно ждем кого-то или чего-то.

И как сказать сердцу, в котором зажглась страсть, чтобы оно успокоилось, чтобы в безмолвии, освобождаясь от страха и томления, от вопросов, на которые нет ответа, училось внимать чудесам Творения?

Нетерпение — часть любви, и неразумно упрекать его за это.

Как сказать тому, кто всю свою жизнь и все свое добро вложил в исполнение некой мечты, но не увидел результатов, чтобы он не тревожился? Земледелец, хоть и не в силах приблизить время сбора урожая, чтобы поскорее пожать то, что посеял, не может ждать осени без нетерпения.

Как велеть воину не беспокоиться перед битвой?

Он до изнеможения упражнялся ради этой минуты, отдавал ей все лучшее, что есть в нем, он считает себя готовым к схватке, но опасается, что исход ее не будет зависеть от его усилий.

Так что тревога и смятение присущи человеку с рождения. И поскольку нам не дано подчинить их своей воле, надо научиться с ними жить — точно так же, как мы научились уживаться со стихийными бедствиями.

А для тех, кто не овладел этим искусством, жизнь становится подобна кошмару.

Все то, за что следовало бы благодарить, — все часы и минуты, из которых складывается день. — превращаются в проклятье. Таким людям хотелось бы, чтобы время несло вскачь, они не понимают, что тем самым

приближают свою встречу с Незваной Гостьей.

Но это еще полбеды: пытаюсь справиться со своим смятением, они придумывают такое, от чего оно лишь усиливается.

Мать, поджидающая возвращения сына, воображает себе разные ужасы.

«Моя возлюбленная принадлежит мне, как я — ей. Когда она ушла, я рыскал по всему городу, но так ее и не нашел». И каждый следующий перекресток, каждый новый прохожий, которого расспрашивал о ней влюбленный, усиливали его беспокойство, пока оно не переросло в отчаяние.

Работник, чтобы убить время в ожидании, когда увидит наконец плоды своего труда, принимается за другую работу и тем самым лишь продлевает минуты ожидания. И очень скоро его нетерпение переходит всякие пределы, и он уже не может отвлечься, глядя на звездное небо или играя с детьми.

И вот — и мать, и влюбленный, и этот работник уже не способны жить своей жизнью, они могут лишь ожидать худшего, сетуя на то, что день тянется бесконечно. Они раздражительны с друзьями, домочадцами и слугами. Они скверно питаются — едят слишком много либо не могут проглотить ни крошки. А ночью, преклонив голову на подушку, ворочаются с боку на бок и никак не могут заснуть.

Тревога окутывает их как покрывало, сквозь которое ничего нельзя разглядеть иначе как глазами души.

А глаза души уже застланы пеленой усталости.

В такие мгновения в человека вселяется один из его злейших врагов — одержимость.

Она говорит ему: «Отныне твоя судьба принадлежит мне. Я сделаю так, что тыпустишься на поиски несуществующего.

И радость твоего бытия теперь принадлежит мне. В душе твоей не будет больше мира, и я, изгнав из нее веселье, воцарюсь там сама.

Страх начнет распространяться повсюду, и отныне ты будешь испытывать его всегда, не ведая его причин. Но тебе и не следует знать — а надо пребывать в неведении и страхе, который будет расти как на дрожжах.

И твой труд, прежде бывший Приношением, тоже принадлежит мне. Люди будут ставить тебя в пример, говоря, что в своих усилиях ты не знаешь границ, а ты в ответ будешь улыбаться и благодарить.

Но я буду твердить тебе, что труд твой, принадлежа мне, постепенно отдалит тебя от всех и всего — от друзей, детей, от тебя самого.

Работай больше, чтобы не оставалось времени думать. Работай сверх

меры, чтобы совсем уже перестать жить.

И твоей Любовью, прежде воплощавшей Божественную Энергию, ныне завладела я. И та, кого ты любишь, не сможет отойти ни на миг, потому что я, угнездившись в твоей душе, буду шептать: «Будь начеку — она может уйти и не вернуться».

И твое дитя, твой сын, который прежде должен был следовать своей стезей, тоже теперь — в моей власти. Я заставлю тебя окружить его ненужной заботой, взять под мелочную опеку, и это отобьет у него вкус к риску и охоту к приключениям, сделает его жизнь безотрадной, заставит страдать и внушит постоянное чувство вины, потому что он не сумел оправдать твоих ожиданий».

А потому, хоть нетерпеливая тревога — это часть жизни, не позволяй ей управлять твоими чувствами.

Если она подойдет слишком близко, скажи ей: «Я не забочусь о том, что будет завтра, потому что Бог уже там и Он ожидает меня».

Если она попытается внушить тебе, что работать, не поднимая головы, и делать все сразу — примета созидательной жизни, отвечай: «Я должен время от времени глядеть на небо и созерцать звезды — мне это необходимо для вдохновения и продуктивной работы».

Если начнет грозить призраком голода, возрази: «Не хлебом единым жив человек, но и словом, а слово идет к нему с Небес».

Если станет пугать, что любовь может не вернуться, тверди одно: «Моя возлюбленная принадлежит мне, а я — ей. Она отвела своих овец на водопой, и пускай нас разделяет река, до меня доносится ее напев. Когда вернется, утомленная и счастливая, я предложу ей ужин и буду охранять ее сон».

Если скажет, что сын твой пренебрегает любовью, с которой вы к нему относились, скажи: «Избыток заботы разрушает душу, ибо для того, чтобы жить, необходима отвага. А любовь и отвага всегда идут рука об руку».

И так ты сумеешь удерживать тревогу на почтительном расстоянии.

Прогнать ее тебе не удастся. Но великая мудрость жизни — в том, чтобы понимать: мы можем возобладать над тем, что само намеревалось нас поработить.

— Расскажи о том, какое будущее нас ждет, — попросил юноша из толпы.

И Копт ответил:

— Все мы знаем, что ждет нас в будущем, — приход Незваной Гостьи. Она может явиться в любой момент, без предупреждения, явиться и

сказать: «Ступай за мной».

И как бы ни хотелось остаться, выбора у нас не будет. И в этот миг наивысшая наша радость или наигоршая печаль — окинуть взором минувшее.

И ответить на вопрос: «Достаточно ли было в моей жизни любви?»

Любите! Я говорю сейчас не только о любви к другому человеку. Любить — значит быть готовым к чудесам, к победам и поражениям, ко всему, что происходит во дни, когда нам выпало идти по лицу земли.

Четыре невидимые силы движут нашей душой. Силы эти — любовь, смерть, власть и время.

Нужно любить, потому что мы любимы Богом.

Нужно помнить о Незваной Гостье, потому что так можно лучше постичь жизнь.

Нужно бороться за лучшую долю, но при этом — не угодить в силки власти, которую обретаем, и помнить, что власть ничего не стоит.

И наконец нужно согласиться с тем, что наша душа, хоть и бессмертна, но в настоящую минуту она бьется в паутине времени со всеми его ограничениями и возможностями.

Наша мечта — желание, заключенное в душе, — возникла не из ничего. Кто-то ведь вложил ее туда. И этот Кто-то — Кто сам есть чистая любовь — ради нашего счастья, помимо желания, дал нам и средства его осуществить, воплотить мечту.

Проходя через трудные периоды жизни, помни: пусть ты проигрывал важные битвы, но ты выжил — и ты еще здесь.

И это победа. Так празднуй же ее и радуйся своей способности идти вперед.

Щедро расточай свою любовь среди нив и дол, на улицах больших городов и среди барханов пустыни.

Помогай бедным, ибо они воплощают собой возможность явить добродетель милосердия.

Не обходи вниманием и богачей: они никому и ничему не доверяют, оберегая свои ломящиеся житницы и набитые сундуки, но это не спасло их от одиночества.

Никогда не упускай возможность выказать свою любовь. Особенно к тем, кто рядом — с ними мы обходимся особенно бережно, ибо боимся их потерять.

Люби. И ты первый выиграешь от этого — мир вознаградит тебя, если даже поначалу ты станешь говорить себе: «Они не способны понять мою любовь».

Любовь и не нуждается в понимании. Ей нужно всего лишь, чтобы ей дали себя проявить.

И потому скажу тебе: то, какое будущее тебя ожидает, всецело зависит от твоей способности любить.

А для этого ты должен целиком и полностью верить в то, что делаешь. Не слушай тех, кто говорит тебе: «Эта дорога лучше» или: «Этот путь короче».

Величайший дар, который мы получили от Бога, — возможность самим принимать решения.

Все мы с детства слышим: жить так, как нам хочется, невозможно. И по мере того как копятся годы, все тяжелее делается груз предрассудков, страхов, вины.

Освобождайся от них. И не завтра, не сегодня вечером, а немедленно, сию минуту.

Я уже говорил тебе: многие из нас считают, что ранит своих близких и любимых, когда оставляют привычную жизнь во имя мечты.

Но те, кто в самом деле желает нам добра, действительно хотят, чтобы мы были счастливы пусть даже не понимают, что именно мы делаем, пусть даже поначалу угрозами, посулами, слезами пытаются отговорить нас идти.

Сам мир нуждается в том, чтобы грядущее было овеяно духом приключения, а потому, садясь, на коня, почувствуй, как бьет в лицо ветер, и возрадуйся ощущению свободы.

Но не забывай, что впереди лежит долгий путь. Если чересчур увлечешься безудержным порывом, можешь вылететь из седла. Если не будешь время от времени останавливаться, чтобы и ты, всадник, и твой конь отдохнули, он может пасть от голода или усталости.

Слушай ветер, но не забывай и про своего скакуна.

И как раз тогда, когда твоя мечта окажется почти в твоих руках, следует быть особенно внимательным. Потому что уже на самом пороге достижения ты вдруг почувствуешь себя безмерно виноватым.

Ты увидишь, что вот-вот придешь в тот край, куда не смогли попасть многие и многие, и решишь, что не заслуживаешь того, что, готова вручить тебе жизнь.

Ты скоро забудешь все преодоленные препоны, все перенесенные мытарства, все, от чего, пришлось отречься. И терзаемый этой виной, бессознательно разрушишь то, что, с таким, невероятным трудом строил и воздвигал.

И это — самое опасное из всех препятствий, ибо оно окружено как бы неким ореолом праведности: ведь мы отказываемся от победы.

Но если поймешь, что достоин ее, ибо положил столько стараний за обладание ею, ты в конце концов осознаешь, что пришел к ней не в одиночку. И будешь почитать Руку, направлявшую тебя.

Лишь тот поймет, чего на самом деле стоит, кто способен с уважением относиться к каждому своему шагу.

Тут один из тех, кто знал грамоту и лихорадочно старался записать за Коптом каждое слово, остановился передохнуть и вдруг почувствовал себя будто в трансе.

Показалось, что все это — площадь, усталые лица горожан, священнослужители, хранящие молчание, — видится ему во сне.

И желая доказать себе самому, что проживаемое сейчас происходит в действительности, попросил:

— Расскажи нам о верности.

И Копт ответил:

— Верность я уподобил бы лавке, где продаются драгоценные фарфоровые вазы, а ключ от нее Любовь доверила нам.

Каждая из этих ваз прекрасна именно потому, что непохожа на другие. Так отличаются друг от друга люди, дождевые капли, скалистые отроги гор.

Иногда — потому ли, что срок настал, или потому, что была она непрочной, — полка рушится. И хозяин лавки говорит себе: «Столько лет я вкладывал в эти вазы и деньги, и свою любовь, а они предали меня и разбились вдребезги».

Он продает лавку, уезжает и в угрюмом и горьком одиночестве влачит свои дни, решив никому и ничему отныне не доверять.

Да, это правда — есть вазы, которые разбиваются и тем самым нарушают свою клятву верности. И в этом случае лучше вымести осколки и выбросить их на помойку, ибо однажды разбитому целым не стать.

Но бывает и так, что полка падает по причинам, предусмотреть которые человеку не дано, — из-за землетрясения, либо вторжения неприятеля, либо по неосторожности рассеянного покупателя.

Люди склонны винить в таких неприятностях друг друга. «Кому-то следовало предвидеть, что такое может произойти», — говорят они. Или: «Если бы за это отвечал я, подобного бы не случилось».

Это пагубное заблуждение. Все мы увязли в песках времени, и нашей воле они не подвластны.

В свой срок сломанную полку чинят.

На нее ставят новые вазы, оспаривающие друг у друга свое место в мире. Новый хозяин, понимая, что все преходяще, улыбается и говорит

себе: «Несчастье открыло передо мной возможность, и я не упустил ее. И обнаружил такие произведения искусства, о существовании которых не подозревал».

Тем и прекрасна лавка, где продают фарфоровые вазы, что все они — разные. А если поставить их рядом, они явят взгляду гармонию и все вместе расскажут об усердии гончара, о мастерстве художника.

Ни одна из них не может сказать: «Хочу занять положение более видное, а отсюда уйти». А если попытается сделать так, превратится в грудку обломков, лишившись всякой ценности.

Так дело обстоит с вазами. И с людьми, мужчинами и женщинами. С племенами и кораблями, с деревьями и звездами.

И когда мы это поймем, сможем присесть под вечер рядом с соседом, уважительно внимая тому, что он расскажет, и рассказывая ему то, что он захочет узнать. И один не будет навязывать свои воззрения другому.

Помимо гор, разделяющих племена, помимо расстояний, разлучающих тела, есть на свете духовное сообщество. Все мы — его часть, а в нем вместо улочек, населенных пустыми словами, протянулись широкие проспекты, которые соединяют то, что отдалено, и то, что требует починки из-за ущерба, причиненного временем.

Там на того, кто вернулся к любимой, никогда не взглянут с недоверием, ибо верность следовала за ним по пятам.

А человек, на которого вчера еще глядели враждебно, потому что шла война, сегодня будет принят как друг, ибо война окончена, а жизнь продолжается.

Ушедший из дому сын вернется в должное время — и вернется обогащенный опытом, что получил в странствии. Отец примет его в свои объятия и прикажет слугам: «Принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Тут какой-то человек со множеством оставленных временем морщин на лбу и шрамами по всему телу — следами сражений, в которых участвовал, попросил его:

— Расскажи нам, каким оружием биться, когда больше нечего терять.

И Копт ответил так:

— Когда есть верность, оружие бесполезно.

Ибо всякое оружие служит злу, и не оружием действует мудрый.

Верность зиждется на уважении, уважение же порождается Любовью. Любовью, которая умеет отпугивать демонов воображения, не доверяющих

ничему и никому, и снимает с глаз пелену.

Когда мудрец хочет ослабить кого-то, он прежде всего заставляет его уверовать в безграничность собственной силы. И тот бросает вызов заведомо более сильному, попадает в ловушку и в конце концов погибает.

Когда мудрец хочет уничтожить кого-то, он прежде всего заставляет его подняться на самую высокую в мире вершину и счесть себя всемогущим. Уверовав, что может пройти еще дальше, простак срывается в пропасть.

Когда мудрец хочет отнять у кого-то принадлежащее ему, он всего лишь задаривает этого человека. Тот вынужден заботиться о ненужном и, пока занят сбережением достояния, теряет гораздо больше.

Когда мудрец не может вызнать, что затевает противник, он делает вид, будто сейчас на него нападет. Все мы постоянно готовимся к обороне, ибо вечно терзаемся страхом и не можем отделаться от навязчивых подозрений в том, что не нравимся другим.

А противник наш — сколь бы ни был умен — неуверен в себе и отвечает на наше подстрекательство с излишней яростью. И обнаруживая все, чем силен, поневоле открывает и свои слабые места.

И тогда мудрец, точно выяснив, чего следует ждать, нападает или отступает.

Так и те, что кажутся покорными и слабыми, одолевают и покоряют неуступчивых и сильных.

Мудрецы побеждают воинов, хотя и воины порой одерживают над ними верх. Чтобы избежать этого, лучше искать мир и покой, обитающие в различиях между людьми.

И тот, кто некогда был ранен, должен спросить себя: «Стоит ли переполнять сердце ненавистью и носить в себе это бремя?»

В такую минуту вступает в дело одна из граней Любви, именуемая Прощением. Это оно позволяет подняться выше обид, что были нанесены в пылу схватки и вскоре будут уже погашены временем подобно тому, как ветер заносит песком следы в пустыне.

И прощенный обидчик, сам униженный своей ошибкой, делается верен.

Постараемся же понять, какие силы движут нами.

Истинный герой — не тот, кто родился для великих деяний, но тот, кто сумел оградить себя стеной верности.

И потому, когда он спасает противника от верной смерти или измены, это не забывается никогда.

И любит истинно не тот, кто твердит: «Ты должна быть со мной, а я должен заботиться о тебе, потому что мы верны друг другу».

Но тот, кто понимает, что верность невозможна без свободы. Свободный от страха измены, истинно любящий принимает и уважает мечту любимой, ибо верит в непобедимую силу Любви.

А истинный друг — не тот, что скажет: «Ты больно задел меня сегодня, и мне грустно».

Истинный друг говорит: «Ты больно задел меня сегодня по причинам, которые мне, а скорей всего, и тебе неведомы, но я знаю, что завтра смогу рассчитывать на твою помощь, и грустить буду недолго».

И друг отвечает ему на это: «Ты — верен, потому что говоришь то, что чувствуешь. Ничего нет хуже тех, кто путает верность с признанием всех ошибок».

Самое грозное оружие — не копье, которое может ранить тело, и не таран, который разрушает стену. Смертоносней всего слово: оно убивает, не проливая крови, а нанесенные им раны не заживают никогда.

Так будем же хозяевами своему языку, чтобы не стать рабами своих слов. Даже если они будут направлены против нас, не станем затевать схватку в которой не может быть победителя.

Стоит нам уподобиться низостью противнику, как схватка закипает во мраке, и единственным победителем из нее непременно выйдет Владыка Мрака.

Верность подобна жемчужине среди песчинок, и только тот, кто сознает ее истинное значение, способен ее разглядеть.

И Сеятель Розни может тысячу раз пройти мимо, но так и не заметить эту крохотную драгоценность, поддерживающую связь меж теми, кто должен быть связан.

Верность не может быть навязана силой, ее не добьешься устрашением или запугиванием: не воспитаешь недоверием.

Верность — это тот выбор, который могут сделать лишь сильные духом. А поскольку она есть выбор, верность непримирима к предательству и великодушно пошлет ошибки.

И поскольку она есть выбор, верность не поддается воздействию времени и стойко противостоит мелким, преходящим ссорам.

Тут некий юноша из толпы заметил, что солнце уже почти скрылось за горизонт, а значит, беседа с Коптом вот-вот прервется, поспешил спросить:

— А как быть с врагами?

И Копт ответил:

— Истинно мудрые не сожалеют ни о живых, ни о мертвых. А потому примите предстоящее вам сражение, ибо все мы сотворены из Духа Вечного, что раз за разом сталкивает нас с нашей судьбой. Отриньте бесполезные вопросы, они лишь помешают в бою.

Воин на поле битвы выполняет свое предназначение и должен предаться ему телом и душой. Сколь несчастны те, что думают, будто могут убить или быть убитыми! Божественную Энергию нельзя уничтожить, она лишь меняет форму.

Мудрецы древности говорили; «Подчинись высшему замыслу и следуй своей дорогой. Не земными сражениями определяется человек, ибо как меняется направление ветра, так же удача и победа приходят, откуда не ждешь. Победенный сегодня завтра станет победителем, но чтобы это произошло, бой должен быть принят с честью.

Как человек, сбросивши старые одежды, надевает новые, так и душа облекается в новые тела, оставляя старые и бесполезные. Знай это и не печалься о брэнном теле».

В битву с этим противником нам предстоит вступить ночью или на рассвете. И ход сражения, и его исход принадлежат истории. Но поскольку близится конец нашей встречи, мы не станем терять времени. Сейчас и хочу поговорить о других врагах, о тех, что поджидают нас по эту линию фронта.

Всех нас жизнь еще столкнет с бесчисленными недругами, и труднее всего будет одолеть тех, кто внушает нам трепет.

Всем нам в любом деле доведется встретиться с недоброжелателями, но опаснее прочих те, кого мы почитали за благодетелей.

Все мы будем страдать, когда на нас нападут и ранят наше достоинство, но нет боли острее той, что причинят нам люди, служившие для нас примером.

Никому не избежать встречи с предателем и клеветником. Но можно уберечься от зла прежде, чем оно явит свое истинное лицо, ибо за чрезмерной любезностью всегда скрывается кинжал, уже занесенный для удара.

Верные мужи и жены не беспокоятся о том, чтобы показать себя, ибо другие верные души и без того видят их достоинства и недостатки.

Но беги тех, кто все время ищет твоей благосклонности.

И помни, какую боль ты причинишь самому себе, если позволишь бесчестному и трусливому сердцу стать частью твоего мира. Когда зло свершится, будет поздно искать виноватых — хозяин сам открыл ему двери

в свой дом.

Чем слабее клеветник, тем он опасней. Не будь беззащитен перед слабодушными, не выносящими вида сильного духом.

Если некто вызовет тебя на бой из-за твоих идей или идеалов, приблизься и прими его вызов, ибо жизнь наша соткана из скрытых конфликтов, и порой их необходимо извлечь на свет божий.

Но не вступай в битву, чтобы доказать свою правоту или навязать свои идеи и идеалы. Прими вызов, чтобы дух твой оставался незапятнанным и безупречной — твоя воля. И тогда обе стороны выйдут из схватки победителями, ведь они выяснили пределы своих возможностей и испытали свое мастерство.

Даже если в первый миг один из них воскликнет «Я победил!».

А второй опечалится, думая: «Я побежден».

Каждый из них умеет ценить мужество и целеустремленность противника, и неминуемо наступит время, когда они пойдут вместе, рука об руку, даже если этого придется ждать тысячу лет.

Если же кто-то станет просто подстрекать тебя, отряхни прах с ног твоих и следуй своей дорогой.

Сражайся только с тем, кто этого достоин, а не с тем, кто использует разные ухищрения, чтобы затянуть уже закончившуюся войну, как это случается всегда и всюду.

Жестокость исходит не от воинов на поле битвы, знающих, за что они воюют, но от тех, кто манипулирует победами и поражениями в своих интересах.

Не тот враг, кто на тебя нападает с мечом в руке. Но тот, кто стоит рядом и прячет за спиной кинжал.

Важнейшую из войн никто не развязал в самозабвении, позволив душе принять свою судьбу.

Эта война идет сейчас, пока мы беседуем. Поле ее битвы — Дух, где сражаются Добро и Зло, Мужество и Трусость, Любовь и Страх.

Не стремитесь отплатить враждой за вражду, но отвечайте на ненависть справедливостью.

Мир делится не на врагов и друзей, но на слабых и сильных.

Сильные великодушны в своей победе.

Слабые объединяются и нападают на тех, кто потерпел поражение, не зная, что поражение преходяще. Среди побежденных они выбирают тех, кто представляется им самым беззащитным.

Если это произойдет с тобой, спроси себя, нравится ли тебе ощущать себя жертвой.

Если ответ будет утвердительным, ты не избавишься от этого до конца твоих дней. И станешь легкой добычей всякий раз, когда окажешься перед решением, требующим мужества. Твой взгляд побежденного будет сильнее твоих победительных слов, и все вокруг это поймут.

Но если ответ будет отрицательным, сопротивляйся. Дай отпор сейчас, пока твои раны легко залечить, даже если это потребует времени и терпения.

Бессонными ночами ты будешь думать: «Я не заслужил такой участи».

Ты решишь, что мир несправедлив, потому что не был к тебе добр, когда ты в этом нуждался. Тебе будет стыдно оттого, как тебя унизили в глазах твоих товарищей, твоей любимой, твоих родителей.

Но если ты выступишь и не сдашься, стая гиен оставит тебя, чтобы найти себе другую жертву. Со временем они получают такой же урок, и никто не сможет им помочь.

А потому истинный враг — не противник, призванный испытать твоё мужество.

Это трус, призванный испытать твою слабость.

На город спустилась ночь.

Копт повернулся к трем первосвященникам, которые все видели и слышали, и спросил, не хотят ли они что-нибудь сказать. Все трое наклонили головы в знак согласия.

И раввин сказал:

— Наш пророк, увидев, как жестоко преследуют иудеев, отправился в лес, возжег там священный огонь и обратился к Богу с особой молитвой, прося защитить народ свой от гонений. И Бог ниспослал чудо.

Позднее один из учеников пророка пришел на то же место в лесу и сказал: «Создатель, я не знаю, как возжигают священный огонь, но помню особую молитву. Выслушай меня, прошу тебя».

И свершилось чудо.

Сменилось еще одно поколение, и другой раввин при виде новых гонений тоже пришел к лес и сказал так: «Я не умею возжигать священный огонь, я не знаю особой молитвы, но еще помню место. Помогите нам. Господи!»

И Господь помог.

Минуло пятьдесят лет, и раввин Израиль со своего инвалидного кресла обратился к Богу: «Я не умею возжигать священный огонь, я не знаю особой молитвы и даже не смогу отыскать в лесу то место. Мне по силам только рассказать об этом в надежде, что Бог услышит меня».

И вновь явлено было чудо.

Ступайте же и повсюду рассказывайте о том, что слышали сегодня.

Вслед за тем имам, настоятель мечети Аль-Акса, почтительно дождавшись, когда завершит свои речи раввин, сказал так:

— Некто постучал в двери бедуина, с которым был дружен, и попросил оказать ему услугу «Ссуди меня четырьмя тысячами динаров мне надо отдать долг. Выручишь?»

Бедуин велел жене принести все ценное, что было в доме, но и этого не хватило. Пришлось пойти по соседям и одолжить денег у них — и только тогда набралась нужная сумма.

Когда же друг ушел, жена бедуина заметила, что муж ее плачет.

«Что с тобой? Отчего так опечалится? Не оттого ли, что мы теперь кругом в долгах, и ты опасаясь, что нам не расплатиться?»

«Нет. Я плачу оттого, что ничего не знал о том, как живет мой друг. И вспомнил о нем, лишь когда нужда заставила его постучать ко мне с просьбой дать займы денег».

Ступайте же и рассказывайте всем, что слышали здесь сегодня, что все мы можем прийти на помощь нашему брату еще прежде, чем он попросит о ней.

Когда завершил свою речь имам, заговорил христианский священник:

— Вот, вышел сеятель сеять; и когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро взошло, ибо земля была неглубока; когда же встало солнце, ростки увяли и, как не имели корня, засохли. Иное упало в терние, и терние выросло и заглушило семя, и оно не дало плода. А иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят и иное сто.

Ступайте же, бросайте семена повсюду, где окажетесь, ибо не ведаем мы, какие из них взойдут и просветят следующие поколения.

Ночь опустилась на Иерусалим, и Копт велел, чтобы все разошлись по домам и записали услышанное, а те, кто писать не умеет, — постарались бы покрепче запомнить его слова. Но прежде чем разошлась толпа, прибавил еще:

— Не думайте, что я огласил вам мирный договор. Нет, отныне мы рассеемся по свету, вооружась невидимыми мечами, чтобы сражаться с демонами нетерпимости и непонимания. Постарайтесь донести

услышанное до самых дальних краев, идите, покуда ноги несут вас. А когда подкосятся от усталости — вышлите вперед слово — изустное ли, занесенное ли на бумагу, но только непременно изберите для этого достойных.

Если в каком-либо городе или селении не захотят вас принять — не настаивайте. Возвращайтесь тем же путем, каким пришли, и отряхните прах с ваших ног. Ибо не принявшим вас суждено будет из поколения в поколение повторять те же ошибки.

Но блаженны услышавшие вас или прочитавшие рукопись, ибо завеса спадет навсегда, и не будет ничего тайного, что не было бы явлено им.

Ступайте с миром.